

Творческая лаборатория
Международной литературной конференции
по вопросам фантастики «Роскон»
представляет

Елена Фёдорова

OLVIDO
ЗАБВЕНИЕ

Елена Федорова
Olvido – Забвение

«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»

2017

УДК 821.161.1
ББК 82(2 Рос=Рус)6

Федорова Е. И.

Olvido – Забвение / Е. И. Федорова — «Региональное отделение продюсерского центра при Интернациональном Союзе писателей», 2017

ISBN 978-5-906916-19-8

В основу мистической повести OLVIDO – ЗАБВЕНИЕ легли реальные факты, произошедшие в Сибири. Сдав выпускные экзамены в школе, трое друзей решают отправиться вниз по реке, чтобы через пару дней вернуться обратно к выпускному балу, не подозревая о том, что вернуться им не суждено никогда. Каким-то непостижимым, мистическим образом ребята попадают в совсем иной сверхфизический мир и остаются в нем. Убитые горем родители пытаются найти следы своих детей. Им помогают спасатели и МЧС. Но поиски никаких результатов не дают. Тогда люди обращаются за помощью к старой ведунье, живущей отшельницей в сибирской тайге. Открывшийся портал между мирами изменяет жизни людей, приводит в действие механизм самоуничтожения реального мира...

УДК 821.161.1
ББК 82(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906916-19-8

© Федорова Е. И., 2017
© Региональное отделение
продюсерского центра при
Интернациональном Союзе
писателей, 2017

Содержание

Предисловие	7
Часть первая	9
– 1 —	9
– 2 —	12
– 3 —	15
– 4 —	18
– 5 —	21
– 6 —	24
– 7 —	28
– 8 —	34
– 9 —	37
– 10 —	40
– 11 —	43
– 12 —	45
– 13 —	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Елена Ивановна Фёдорова

Olvido – Забвение

© Елена Фёдорова, 2017

© Интернациональный Союз писателей, 2017

Елена Ивановна Фёдорова – поэт, писатель, член Союза писателей России, Член Интернационального Союза писателей, журналистов, драматургов, Почетный работник Культуры города Лобня, автор более 200 песен для детей и взрослых, автор 25 книг (из них 5 детских) на русском и 3-х на английском языках.

Финалист премии «Писатель года – 2014», включена в список 100 лучших писателей. Номинирована на Национальные литературные премии «Поэт и Писатель года», «Наследие». Специальная премия фестиваля русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба» и Интернационального Союза писателей «За крупный вклад в детскую литературу».

Проект песен для детей «Золотая страна» в соавторстве с композитором Вячеславом Гридуновым стал Лауреатом премии Губернатора Московской области «Наше Подмосковье» в номинации «Забота о детях».

Работала стюардессой международных линий Аэрофлота, тележурналистом ТРК «Лобня».

Награждена Знаком отличия и медалью «За вклад в развитие города Лобня».

Авторский сайт: <http://efedorova.ru>

Предисловие

Андрей Гнездилов – профессор Научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева:

«Смерть – это не конец. Это всего лишь смена состояний сознания. За 20 лет работы я много раз имел возможность убедиться в том, что сознание после смерти не исчезает. Что разница между телом и духом очень четкая. Что существует совсем иной мир, который действует по другим законам, сверхфизическим, находящимся вне пределов нашего понимания».

Что делалось, то и будет делаться,
и нет ничего нового под солнцем.
Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»,
но это было уже в веках, бывших прежде нас.
Нет памяти о прежнем, да и о том, что будет
не останется памяти у тех, которые будут после.
Мудрого не будут помнить вечно, как и глупого.
В грядущие дни все будет забыто, и, увы!
Мудрые умирают наравне с глупыми.

Екклесиаст 1: 9-10, 2: 16.

* * *

Сибирь! Дух перехватывает от той шири, которая слышится в этом слове.

Си – яющие на солнце кроны могучих кедров, елей, сосен. Си-ла!

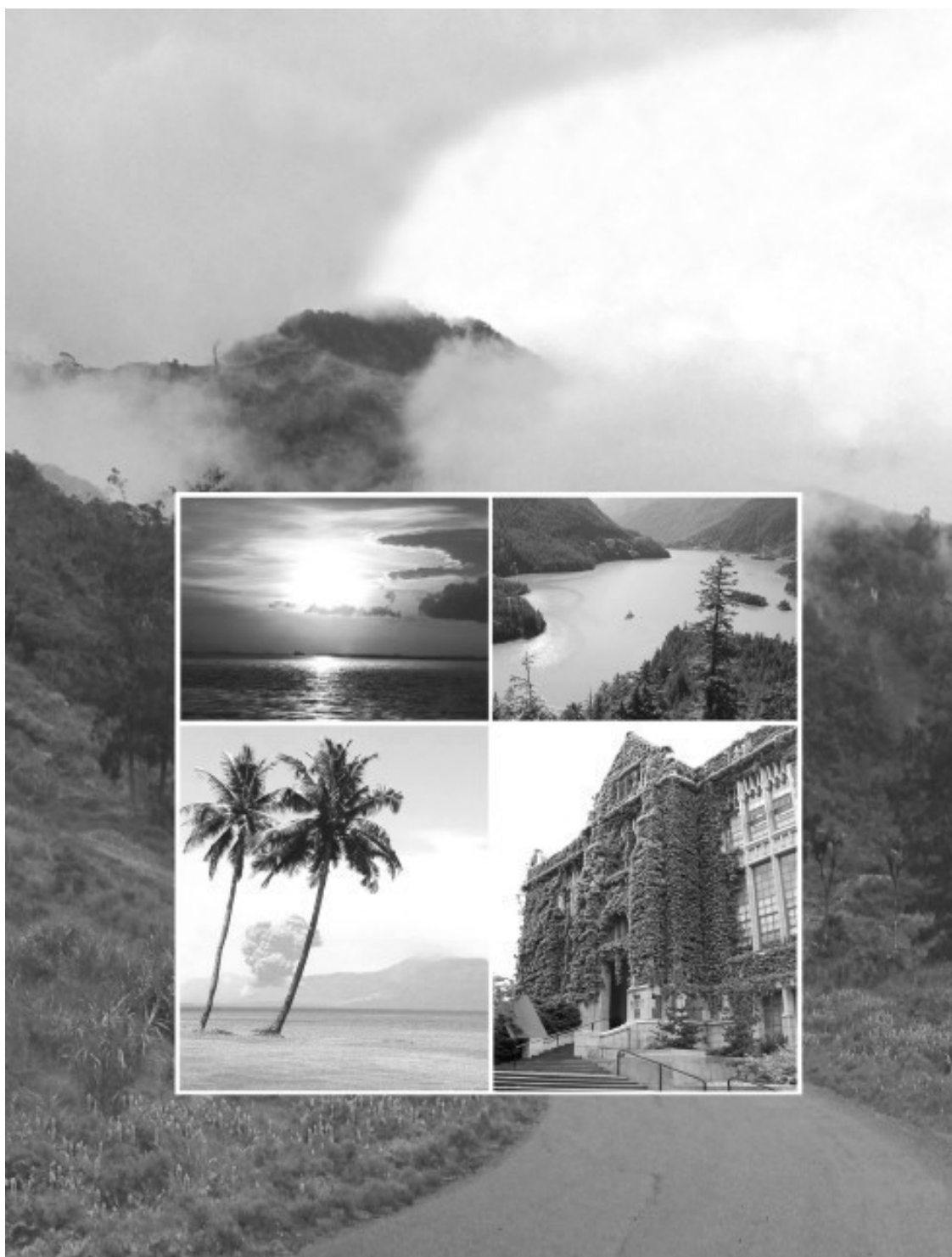
И **«бр»**, **«бирь»** – морозный холод, пронизывающий до костей.

А воздух – сплошной аромат трав. Вдох делается с замиранием, с остановками, чтобы вобрать в себя, чтобы впитать, чтобы не пропустить ни капли обогащающего кислорода – «си», чтобы на выдохе обязательно получилось «бирь».

Вдох – **«СИ»**.

Выдох – **«БИРЬ»**.

И так до бесконечности. Потому что не объять, потому что не выдышать, потому что...

Часть первая

– 1 –

Не широкая, но стремительная речушка издавна манила к себе местных жителей. Кто здесь рыбку промыслил, кто красотами любовался, а молодежь устраивала сплавы на байдарках, присваивая реке первую категорию сложности.

Матери долго не могли привыкнуть к походам своих детей. Читали нотации. Ругались. Прятали байдарки, весла. Но, ничто не могло остановить бунтарский молодой дух, рвущийся в эту сибирскую ширь. Тогда испуганным женщинам ничего не оставалось, как перекрестить лбы своих непутевых, неожиданно выросших детей, отправляя их на реку.

А река, казалось, ждала ребят. Она затихла, когда они опустили на воду легкую байдару. Поймала солнечный отблеск от весел и, подхватив лодку, понесла ее вниз по течению. Но за первым же поворотом кажущаяся радость сменилась неожиданной агрессивностью множества порогов водоворотов и речных отмелей.

- Мы не боимся тебя! – кричали ребята.
- Мы пройдем этот трудный участок!
- Участок! – эхом разносились во все стороны их голоса.
- Асток!
- Сток! – отзывалась тайга.
- Мы сильные!
- Льные, льные!
- Мы смелые!
- Элые, элые!
- Мы непременно победим тебя. Слышишь?

Неожиданно наступила полная тишина, точно эхо расхотело играть в свою игру. Но и река вдруг замерла. Именно замерла. Лодка, несущаяся с большой скоростью вниз по течению, остановилась, как приклеенная. Ребята усиленно работали веслами, но результатов не было никаких. Байдарка не двигалась с места.

- Что это? – удивился Саша.
- Мистика какая-то, – попытался улыбнуться Егор.
- Ребята, а ведь даже птиц не слышно, – понизив голос, сказал Андрей.
- Точно! – выдохнули все разом.

Такой тишины они еще никогда не слышали. Они родились и выросли в этих краях, казалось, знали все, были готовы ко всему. Они рассчитали свой поход по секундам. До темноты последний самый сложный порог должен был остаться позади. А утром, после ночи у костра, они вернутся домой гордыми и счастливыми покорителями сибирской реки. На выпускном вечере, который будет через два дня, ребята собирались рассказать о своем походе. Предусмотрено было все, но только не такое неожиданное безмолвие. Тишина пугала и раздражала друзей.

- Сколько времени мы уже здесь загораем? – спросил Саша.
  - Парни, у меня часы встали, – испуганно крикнул Андрей.
  - А у меня, вообще, электроника отказала, – Егор показал всем свои часы с потухшим циферблатом.
  - Интересно, что бы это значило? – наморщив брови, спросил Саша. – Версии есть?
- Нет. Страшные истории про реку помните?
- Нет, – резко выкрикнул Андрей.

– Кажется, – Егор потер виски, – А, может быть, и нет...

– Кончай базар, – резко оборвал его Андрей. – Надо решение принимать, а не байки травить.

– Погоди, Андрюха. Нам сейчас не стоит ничем пренебрегать, – очень спокойно проговорил Саша, будто его сейчас больше интересовали истории про реку, чем то, что с ними произошло. – Ну, Егорыч, вспоминай, вспоминай.

– Саня, вы как в детском саду, честное слово. Надо на берег вылезать и костер разводить, а не сказки слушать, – раздраженно выпалил Андрей.

– Успокойся! – властно остановил его Саша. – Вода очень холодная. Здесь глубоко. Вон смотри, – он попытался достать веслом до дна, но не смог. – Убедился? Байдарка стоит без движения. Мы ее сдвинуть не можем. Где гарантия, что мы сможем плыть? Молчишь. Давай спокойно все обмозгуем. Попробуем найти все возможные варианты, а уж потом можно будет в воду нырять. И зря ты от сказок отказываешься. Бывает, что в сказке скрыт ключ к развязке. Егорка, вспомнил? – Егор кивнул. – Давай не будем отказываться ни от чего, – улыбнулся Саша, глядя на Андрея.

– Я и не отказываюсь, – буркнул тот. – Я только за то, чтобы дело делать, а не анекдоты травить.

– А это – вовсе не анекдот, – смущенно проговорил Егор. – Это получается народный фольклор. Моей бабушке рассказывала ее прабабушка, что к реке подходить нельзя. Причем запрет был таким строгим...

– Все, проехали, – зло перебил его Андрей. – Мы не только подошли, мы уже полпути прошли по этой страшной реке. Мы уже не в первый раз свои подвиги на реке совершаем, а ты только сейчас про строгие запреты вспомнил?

– Заткнись, Андрей. Ты сейчас похож на нервного психа, который очень сильно напуган и поэтому орет на всех, – спокойно проговорил Саша. – Помолчи несколько минут, понял.

Андрей со всей силой ударил по воде, обрызгав ребят.

– Дурак, – беззлобно произнес Саша, вытирая лицо. – Егорыч, продолжай. Что там с твоей бабусей случилось?

– С бабулей все было в полном порядке. Она была очень послушной, к реке не ходила. А мы никого не послушались... Ну, да ладно, – Егор ухмыльнулся. – Бабушка рассказывала нам с сестрой Зинкой историю – страшилку про то, что раньше наша река называлась рекой Забвения...

– Забвения? – в голос переспросили Саша и Андрей.

– Да-да, именно рекой Забвения, – делая ударение на каждый слог, проговорил Егор. – Это сейчас она называется Шальная река. У неё и правда нрав шальной: то тихая спокойная, то, как ненормальная крутится и о валуны разбивается. А сегодня она еще в одном виде перед нами предстала. – Егор закрыл глаза и замолчал.

– Егорыч, ты что, заснул? А страшилка? – тронул его за плечо Саша.

– Бабушка говорила, что на реке есть место, где происходили странные вещи, – не открывая глаз, продолжил Егор. – В этом месте исчезали рыбаки. А через некоторое время возвращались и ничего не могли вспомнить...

– Ты нам тут решил про Бермудский треугольник рассказать, что ли? – возмутился Андрей. – Я таких баек про реку что-то не слышал. Да, если бы у нас люди пропадали, то все бы об этом знали. ВСЕ, а не только твоя бабуля.

– Я точно так же возмущался, как и ты, когда услышал про это, – улыбнулся Егор, открыв глаза. – Я ждал, что ты сейчас меня пристыдишь. Ждал и готовил объяснение. Река не всегда похищала людей. Никто точно не мог сказать, что случаи пропажи проходят с периодичностью в пять или семь лет. Все происходило вдруг и ничем не объяснялось, ни с чем не

было связано. Забвение наступало безо всяких катаклизмов, словно это было чье-то желание, чей-то каприз...

– Ага, такая злобная мадам хлопала в ладоши и приказывала: «Приведите мне сегодня для развлечения двух – трех мужичков. А то скучаю». Мужичков хватали, вылавливая, как рыбу из реки. Мадам с ними развлекалась, а потом выбрасывала за ненадобностью, стерева им всю базу данных, то есть промыв мозги. Ты в каком боевике такой ответ подсмотрел? – съехидничал Андрей.

– Я рассказываю то, что слышал, не прибавляя ничего от себя, – сказал Егор. – Я не знаю, что происходило с людьми, которые пропадали. Да и никто не знает, потому что вернувшиеся люди не помнили даже своих имен. Они не могли сказать, где были все это время и где находятся сейчас. Родственники долго и мучительно помогали им обрести память. Но все равно, эти люди становились совсем другими, вели себя по-другому. Даже говорили как-то странно, употребляя давно вышедшие из лексикона слова. Все они непременно сидели у реки и издавали звуки, похожие на вой. Тогда, казалось, что вся природа замирает и слушает голоса этих странных людей, – Егор вздохнул и замолчал.

– Это все? – нахмурился Саша.

– А, забыл сказать, что эти люди жили после возвращения совсем недолго и умирали почти одновременно, – скороговоркой выпалил Егор и виновато посмотрел на ребят. Воцарилось долгое молчание.

– Так, что мы имеем? – точно очнувшись, спросил Саша и сам же ответил. – Мы попали в зону забвения. Можем все забыть, став другими. После возвращения жить недолго, воя у реки, и умереть в один день. Так?

– Выходит так, – подтвердил Егор.

– А вот и нет! Вот уж дудки! – выкрикнул Андрей, сделав фигуру из трех пальцев и размахивая ею во все стороны. – Я не согласен. Я...

– Стоп! – воскликнул Саша. – Тишина наступила не сразу. Мы плыли и кричали. Верно? – Ребята подтвердили. – А, что мы кричали?

– Что жизнь хороша, и жить хорошо, – засмеялся Егор.

– Нет, нет, другое. Ну, Андрюха, ты же орал громче всех, что мы сильные, храбрые и... Напряги мозги, что именно ты крикнул перед началом тишины? – не унимался Саша.

– Вроде, мы трудностей не боимся, – пробубнил Андрей, нахмутив брови. И вдруг, ударив себя по лбу, закричал:

– Мы победим тебя!

– Мы победим тебя! – громко закричали ребята.

– 2 –

Переполох в поселке начался к вечеру. Трое друзей должны были вернуться в понедельник утром. Но никто их не видел ни на остановке автобуса, ни на трассе. Матери причитали в голос, ругая себя за то, что сами отправили детей в поход, что не остановили, не отговорили, не настояли, что...

Мужчины, готовясь к поискам, были немногословны, сдержанны, угрюмы. Они не обращали внимания на голосащих жен, а сосредоточенно обсуждали план действий, зная, что с тайгой шутить не стоит. Поиски, начавшиеся с первыми лучами солнца, длились больше недели. Поисковые службы внимательно исследовали каждый миллиметр реки. Но не нашли никаких следов. НИКАКИХ! По реке проехали моторные лодки с сетями. Но в сети попала только рыба. На дне не было ни-че-го. Поисковые бригады дошли до самого устья. Но и там не было найдено ни-че-го. Вертолеты кружились над рекой, но никто никаких следов не находил. Все только удивленно разводили руками, пытаясь найти объяснение странному исчезновению ребят.

– Если они утонули, то где же трупы?

– Если порвалась байдарка, то где же она? Где сломанные весла? Где рюкзаки, одежда, палатка?

– Да, река шальная, непредсказуемая, но мусор она выбрасывает на берег. А тут ничего нет ни на берегу, ни на дне.

Спасатели провели несколько экспериментов, подтверждающих, что в случае несчастья следы должны были остаться. Но их, почему-то, нигде не было.

Матери были убиты горем и ни о чем не могли говорить. Получалось, что они сами отправили сыновей в путь по реке, из которого нет возвращения.

Через десять дней поиски решили прекратить. Все понимали, что искать дальше бесполезно и бессмысленно.

– Надо только надеяться на чудо, – попытался подбодрить родных начальник поисковой группы. Но, увидев безжизненные глаза женщин, понял, что в чудеса здесь никто не верит.

– А, может, в поселке ясновидящие или колдуны есть, к которым можно обратиться? Может, у них поиски будут более плодотворными? – проговорил вертолетчик, прощаясь.

– Ой, точно, – очнулась одна из женщин. – Что же мы про бабу Матрену забыли?

– Верно! Надо к Матрене бежать, – согласились женщины.

Глаза их заблестели, оживились. Появился новый спасательный круг – бабу Матрена.

Матрена жила уединенно. Людей дичилась. Редко кого привечала. Чем и как жила эта почти девяностолетняя старуха, никто не знал. Матрена была фигурой странной, загадочной. Но никто в поселке не смел проникнуть в тайны старой женщины, да и не пытался. Полуразвалившийся домик ее стоял почти в чаще леса, и мало кому приходило в голову захаживать сюда. Три женщины как-то вдруг очутились на пороге странного дома, к которому не вело ни одной тропинки.

– Проходите в дом, – неожиданно мягким голосом проговорила бабу Матрена, открыв дверь.

Заплаканные женщины молча перешагнули порог ветхого жилища, ожидая увидеть такую же ветхость внутри. Но были поражены яркостью и белизной, царившими внутри. Белые занавески на окнах. Стол накрыт белой скатертью с алыми, точно живыми, маками по краям. Белая скамья у стола. Белые пуховые подушки на кровати, накрытой нежно-голубым покрывалом, напоминающим летнее небо. Золотой огромный иконостас от пола до потолка.

Лампадка перед образами. Сияющий медный самовар и горячие румяные пирожки на столе казались какой-то фантазией, каким-то сном, не связанным с реальностью.

– Ах! – в голос выдохнули женщины, испытав облегчение от того, что Матрена совсем не похожа на колдунью. Что её скорее стоит называть модным словом пророчица или ясно-видящая.

– Садитесь к столу. Чай уже поспел, – проговорила Матрена, расставляя на столе необыкновенно красивые чашки из тончайшего фарфора. Потом достала вазочку с янтарным медом и села у самовара во главе стола.

– Ты, Матрена, будто ждала нас в гости? – поинтересовалась одна из женщин.

– Ждала, Светлана, – улыбнулась Матрена, протянув ей чашку с чаем.

– Ба, да ты и имя мое знаешь, а вроде не знакомилась? – удивилась Светлана.

– И не только твое, – Матрена хитро прищурила лукавые глаза. – Я знаю, что у тебя трое детей. Сашка – старший. Людмила – Милка – средняя, Игорь – младший. А мужа зовут Валерий.

– Верно, – смутилась Светлана.

– А ты, Римма, угощайся медом, – обратилась Матрена к черноволосой женщине. – Да не стесняйся. Я же знаю, как ты его любишь.

– Спасибо, – вздрогнув, проговорила Римма. – Я такого янтарного меда нигде не видела прежде. Где вы такой взяли?

– Пчелы принесли, – ухмыльнулась Матрена. – Кушать кушай, а вопросов не задавай. За Егора не волнуйся, а вот лучше за Зинкой присмотри. Может она в большую беду попасть, если ты не вмешаешься. Вот эту траву будешь Сергею заваривать, чтобы не пил, – Матрена протянула Римме льняной мешочек, перевязанный голубой лентой.

– А ты, Тамара, пироги с малиной любишь. Вот эти как раз с малиной, – Матрена пододвинула пироги испуганной маленькой Тамаре. Тамара ойкнула, сжалась и стала совсем крошечной. – Да не бойся ты так! – засмеялась Матрена. – Не бойся, скоро родишь. Дочку родишь здоровую. Назови ее Дарьей – дареной, подаренной.

– Как же она родит, если от нее муж полгода назад к другой ушел? – удивилась Римма.

– А дите девять месяцев развивается, – зло сверкнула на нее глазами Матрена. И, повернувшись к Тамаре, продолжила, – вернется к тебе Виктор, прости его. Не сладко ему на чужих перинах. Ох, не сладко. Прости, Господь велел прощать.

Тамара часто, часто заморгала и закрыла рот ладонью. Матрена погладила ее теплой бархатной рукой по голове, по плечам, по спине и проговорила:

– Давайте чаевничать, а то самовар совсем простыл.

Женщины молча пили душистый мятный чай. С большим аппетитом уплетали пироги с малиной, понимая, что едят нормально первый раз за десять дней. Необыкновенное чувство спокойствия проникало в их души вместе с ароматами и запахами этого странного дома.

– Спасибо тебе, Матрена...

– Власьева, – добавила Матрена властным голосом. – Меня Матреной Власьевой величают. Я из дворянского рода. А это, – она показала на тонкие чашки, – фамильный фарфор. На этом и закончим разговор обо мне.

– А... – хотела что-то сказать Светлана. Но Матрена Власьева поднялась из-за стола, став неожиданно высокой, статной дамой, которой боязно было задавать вопросы.

– Вы царица! – ахнула Тамара.

– Нет, не царица, но из богатого рода, – Матрена улыбнулась кончиками губ. – Сейчас я расскажу вам кое-что о нашей реке.

Она достала старинный альбом в бархатном переплете. Открыла его и, ткнув пальцем в одну из фотографий, сказала:

– Это мои родители. Однажды они катались по реке Забвения и пропали. Исчезли, канули в никуда. Все поиски были напрасными. Никто не знал, где они. Никто не мог их найти. Прошло несколько месяцев, прежде чем вернулся лодочник. Он мне принес кольцо от матери. Я стала его пытаться расспросами. А он ничего не говорил толкового, только бормотал: «Велено-с передать. Велено-с передать». Кем велено? Когда велено? Зачем велено? «Не могу знать-с. Не могу знать-с. Не могу-с». Ах ты, bestия эдакая, выкладывай все, как есть, – набросилась я на него. А он ойкнул и дух испустил. С тех пор меня все и бояться стали, да стороной обходить. И вы ведь меня колдуньей считали. А какая же я колдунья? Обыкновенная одинокая женщина, живущая у реки.

– Матрена Власьевна, а как же вы на нашу Шальную реку попали? – неожиданно перейдя на «вы», спросила Светлана.

– Э, голубки, да вы и не знаете, что наша река раньше звалась рекой Забвения. Что здесь люди пропадали и не возвращались. А кто возвращался, тот, как мой Силантий, лодочник, долго не жил. А вы решили, что ваши дети первые пропали? Нет, нет и нет. Все это было задолго до вас. Задолго...

– Ой, а я думала, что мне бабушка сказки рассказывает про реку, – вздрогнув, проговорила Римма. – А ведь Егор ей верил. Он очень внимательно ее слушал, просил по сто раз пересказать. Он, наверное, все эти рассказы наизусть знал. Зачем же он тогда на реку пошел, если знал?

– Знать знал, а не верил, – подвела итог Матрена. – Верил бы, не пошел. Или понадеялся на русское «авось». Ничего раньше не случалось, значит, и сейчас обойдется, – вздохнула. – Никто ведь точно сказать не может, когда у реки приступ забвения начнется. Да и мало, кто про исчезновение людей помнит. Последний раз люди пропали шестьдесят лет назад, – задумчиво проговорила Матрена, и, перевернув страницу, ткнула пальцем в трех деvушек.

– Кто это? – спросила Тамара, предчувствуя что-то недоброе.

– Дети мои, – глухим голосом ответила Матрена. – Полина, Лизавета и Екатерина. Пропали на реке и не вернулись. Только опять через два или три месяца лодочник Панкрат мне колечки передал со словами: «Все прекрасно в садах Эдема». Я уж его не трясла, спокойно расспрашивала. Да толку никакого. Так ничего и не узнала. А через месяц Панкрат умер. А я вот живу. Все помню, много чего рассказать могу, да только никто не спрашивает, – встала, захлопнув альбом, несколько раз стукнула по нему кулачком.

Три женщины внимательно следили за движениями ее холеных, совершенно не старческих рук, на старинные дорогие перстни, надетые на безымянные и указательные пальцы.

– Ой, плохо мне что-то, – застонала Тамара и завалилась на бок.

– Поддержите ее, – скомандовала Матрена. Сдернула с кровати небесное покрывало и, бросив его на пол, приказала:

– Кладите ее сюда. Так нам удобнее будет.

Женщины безропотно повиновались, не понимая, что происходит. Они просто делали все, что говорила Матрена. И очнулись лишь тогда, когда закричал родившийся ребенок.

– Ой, надо же врача вызвать. Надо их в город, в роддом везти, – засуетилась Светлана. – Я побегу за машиной...

– Стой! – грозно остановила ее Матрена. – Вы здесь больше не нужны. Ваша помощь нам уже не нужна. Домой идите. Тамаре у меня лучше будет. Её искать некому. А вас уже дома хватились. Зачаёвничались вы у меня. Ступайте. Да про то, что видели и слышали никому ни слова. Не велено вам, поняли? Не велено-с, вот и весь сказ.

Матрена хлопнула в ладоши три раза. Светлана и Римма попятились к двери, подталкивая друг друга. А, выйдя из избы, побежали в разные стороны.

— 3 —

Когда Светлана вошла в дом, ей навстречу выбежала заплаканная Людмила с криком:

— Мама, где ты была?

— Сашу искала, — каким-то незнакомым голосом проговорила Светлана и прошла в комнату.

— Ты хоть знаешь, который сейчас час? — грозно сдвинув брови, поинтересовался Валерий.

— Нет, — улыбнулась Светлана. — Я только чувствую смертельную усталость. — С этими словами она рухнула в кресло и замерла в странной позе.

— Мама, уже три часа ночи. Мы чуть с ума не сошли. Никто тебя не видел, никто не знает, куда ты подевалась. Ты о нас совсем забыла. Разве можно так поступать? — заливаясь слезами, выкрикивала Людмила. Светлана удивленно смотрела на дочь и, пожимая плечами, спрашивала:

— А где же я была? Неужели уже три часа?

— А ну, дыхни? — нагнувшись над Светланой, приказал Валерий. Она безропотно подчинилась. — Трезвая, — неподдельно удивился он. — Тогда, почему ты такая бледная, и руки, как лед? Давай-ка, я тебе ванну горячую сделаю.

— Давай, — с радостью согласилась Светлана, продолжая сидеть в странной позе.

Людмила поцеловала мать в ледяную щеку и пошла к себе, надеясь, что Светлана пожелает ей спокойной ночи. Но Светлана, казалось, не замечала того, что происходит вокруг. Людмила закрылась в своей комнате и, уткнувшись в подушку, простонала:

— Почему? Почему все это свалилось на нашу семью? Что мы такого сделали? За что все это? Сначала Санечка пропал, растаял, как снежинка на горячей ладони. Умный, красивый, любящий и любимый ушел, помахав рукой. Ушел, чтобы не вернуться. Теперь с мамой что-то происходит. Кто объяснит? Кто защитит? Са-неч-ка! Са-шеч-ка, где ты? — стонала Людмила, кусая край подушки.

— Не плачь, сестренка, — кто-то шепнул ей на ухо. Людмила резко оторвала голову от подушки, вскрикнув: — Санечка!

— Нет, это я, Игорь, — отозвался младший брат. Он присел на край кровати и обнял Людмилу. — Ты так горько плакала и кричала, что я просто должен был с тобой побыть, поговорить, утешить. Сказать тебе, что я верю — Саша наш жив. Он обязательно вернется. Ты тоже верь в это и не плачь, пожалуйста. Пойми, если его тело не нашли, то значит, он жив! Он обязательно даст нам о себе знать, обязательно! У нас классный брат, поэтому с ним все должно быть хо-ро-шо!

— Да! Конечно, — с готовностью согласилась Людмила, вытирая слезы. — Спасибо тебе, Игоречек. Ты просто умница. Ты все очень здорово придумал: мы будем ждать от Санечки вестей. А ведь, если чего-то очень ждешь, то это непременно происходит. Непременно! Наш Сашка жив, только уехал. Он скоро даст о себе знать. Он уже послал нам весточку. Это просто почта затеряла ее где-то. Но скоро найдет и принесет нам. Непременно.

— Обязательно, — поцеловав руку сестры, подтвердил Игорь. — Ложись спать. Нам всем надо как следует отдохнуть. Я очень попрошу тебя, Милка, больше не плакать.

— Обещаю, Игорек.

Светлана лежала в горячей пенной ванне и ни о чем не думала. Внутри неё была пустота. Ощутимая, звенящая, пугающая пустота. Светлана не могла вспомнить ничего. Валерий задавал ей вопросы, а она не могла на них ответить. Она тупо смотрела перед собой

на лопающиеся пенные пузырьки, которые переливались всеми цветами радуги. Постепенно глаза Светланы закрылись, тело обмякло.

– Э, матушка, так дело не пойдет, – подхватив безвольное тело жены, сказал Валерий. – Пора в люлю отправляться. В этой пене можно и утонуть. А ты нам еще ой как нужна.

– Лерыч, ты как всегда прав, – ответила Светлана, открыла глаза. – Это я сказала?

Валерий внимательно наблюдал за женой, пытался понять, что с ней происходит. Она была не похожа на себя прежнюю: говорила по-другому, смотрела как-то не так, вела себя очень странно. Теплая ванна подействовала на нее благотворно. Светлана пришла в себя, вырвалась из сомнамбулического состояния, точно бабочка выпорхнула из своего кокона. В глазах появился живой блеск. Губы порозовели, а на щеках проступил румянец смущения.

– Тебя ведь, Санечка, Лерычем всегда звал, а я ругалась, – сказала она. – Я отчитывала Сашу за то, что он позволяет себе такие вольности с отцом. Он тебе отец, а не друг, приятель с глупым именем Лерыч. А теперь сама туда же... Я, наверное, схожу с ума, Валерка. Это я от горя рассудок потеряла. Вот где, где я шлялась? Ты можешь какие-то версии выдвинуть? – Валерий отрицательно покачал головой. – Вот, и я не могу ничего придумать, значит свихнулась.

– Брось ерунду болтать. Пойдем лучше спать. Выспимся, как следует. Утро вечера мудренее. Мы от усталости все похожи на умалишенных, ничего не понимаем, не соображаем, не отвечаем за свои поступки. А я так жутко хочу спать, что могу уснуть даже стоя. Первый раз за десять дней я понял, что смертельно устал. Смертельно...

Когда Римма открыла дверь своей квартиры, ей в нос ударил резкий запах перегара. – Опять напился, негодяй, – в сердцах выругалась она на мужа.

Сергей в одежде лежал на диване, раскинув в разные стороны руки и ноги, и громко храпел. Рот его был открыт, поэтому храпел он с каким-то клекотом и бульканьем, точно во рту была жидкость. Римма даже заглянула в открытый рот супруга. Жидкости там не было. Это ее успокоило. Но странные звуки, доносящиеся из комнаты дочери, напугали Римму. Она подошла к запертой двери, прислушалась. За дверью явно что-то происходило. Римма толкнула дверь и увидела на кровати дочь Зинку с каким-то парнем. Они возились и пыхтели, не замечая ничего вокруг.

– Кто это? – закричала Римма так громко и пронзительно, что даже муж, захлебнувшийся собственным храпом, вскочил с дивана.

Зинка как-то неестественно ойкнула, а парень шумно свалился с кровати. Увидев все это, Римма расхохоталась. Через минуту хохот превратился в истерические рыдания. Не помня себя, Римма схватила что-то со стула и принялась колотить дочь, голого парня, испуганного пьяного мужа. Колотила, рыдала, смеялась, снова колотила всех, кто попадал ей под руку. Зинка визжала:

– Я ни в чем не виновата, мама!

Парень молча натягивал свои вещи. Муж сидел на полу, возле дивана, закрыв руками голову, и жалобно просил:

– Только не по голове. Только не по голове, а то гадить буду.

Сколько времени продолжался весь этот погром, Римма не могла сказать. Только ей все как-то разом наскучило, стало безразлично. Она прошла в спальню и, рухнув на кровать, тут же уснула крепким сном.

Тамара открыла глаза и увидела перед собой лицо Матрены Власьевны.

– Вот и умница, – погладив Тамару по голове, проговорила та. – Дочка у тебя, Дашенька родилась, поздравляю. Живая, здоровая, все с ней в полном порядке.

– Как? И ничего, что она семимесячная? – испуганно спросила Тамара.

– Мне можешь не врать. Нормальный доношенный ребенок. Я же все вижу и знаю. Знаю, что убить её пыталась, – укоризненно проговорила Матрена. – Дитё жить должно. Это тебе радость. Это Божий дар. А ты её травить, вытравливать решила. А живот зачем утягивала? Ты же мужняя жена, чего стыдилась? Не зря видно говорят, что бабы – дуры. Не зря! На вот, погляди на девочку. Красавица, чистый ангелочек, а ты ее... – Матрена протянула Тамаре малютку, завернутую в белоснежные кружевные пеленки.

Тамара бережно взяла крошечное существо, улыбнулась, почувствовав прилив радости. Она хотела дочку, а родился сын. А теперь – подарок – Дашенька, Дарена. Кожа у нее белая, волосики золотыми кудряшками выбиваются из-под чепчика. Тамара знала, что младенцы рождаются с волосами, но не могла предположить, что у них могут быть такие волосы, как у её Дарьи. Да и губки такими алыми, точно их кто-то подкрасил.

– Ах, какая прелесть, – проговорила Тамара.

– Радуйся, что ко мне попала, – буркнула Матрена. – Если бы в районе рожала, то Дарья твоя на всю жизнь инвалидом бы осталась.

– Почему? – испугалась Тамара.

– А потому, что ты от неё избавиться хотела, – строго ответила Матрена. – Ладно, отдыхай. – Матрена хотела забрать Дашу, но Тамара прижала её к груди со словами:

– Её же кормить надо.

– Покормили уже, – быстро выхватив ребенка, отрезала Матрена и скрылась за дверью. Тамара даже не успела ничего спросить, так быстро все произошло. Подняться не было никаких сил. Тамара погрузилась в сон. Ей приснился повзрослевший Андрей. Он был капитаном корабля. Стоял на палубе старинного фрегата и махал ей рукой.

— 4 —

Ребята кричали: «Мы тебя победим!» и колотили веслами по воде. Сколько времени все это длилось, никто не мог точно сказать. Часы стояли. Солнце тоже замерло в одной точке. Да и лодка не сдвинулась с места. Эхо не отзывалось. Природа молчала.

— Все, я больше не могу, — рассерженно пробубнил Андрей, уронив голову на грудь. — И почему я не девчонка? Сейчас в самый раз разреветься. Хана нам, братцы. Полная хана!

— Не раскисай, — сказал Саша. Правда голос его звучал уже не так уверенно. — Предлагаю отдохнуть и помозговать. Надеюсь, что наши светлые головы посетят грандиозные мысли.

— Знаете, а может... — неуверенно начал Егор, но тут же замолчал, наморщив лоб.

— Что, Егорыч?

— Да говори же ты, чудака человек.

— Я подумал, а, может, мы зря свое геройство показываем? Может, наоборот надо действовать, от обратного?

— Как это наоборот? — удивился Андрей.

— Понимаешь, мы кричали, что ничего не боимся, что победим. А давайте помощи попросим, — предложил Егор.

— У кого? — разозлился Андрей. — Давай орать: эй, кто-нибудь, помогите бедным мальчикам. Так что ли?

— погоди, Дрюня, — остановил его Саша. — Егорыч дело говорит. А в нашей ситуации, я считаю, надо испробовать все варианты. Егор, что ты предлагаешь?

— Давайте прощения у реки попросим, — смущенно проговорил Егор.

— Что? — Андрей даже поперхнулся от злости. — Нет, вы видели подобного болвана? Скорее всего, нет, потому что наш Егор занимает первое место по тупости. Он сейчас здесь, на глазах у изумленной публики, будет просить прощения аж у самой сударыни речки! Эй, все сюда! — закричал Андрей, хлопнув в ладоши.

— Заткнись, Дрюн! — обдав его струей воды, приказал Саша. — Заткнись, мерзкий неврастеник. Дай Егору договорить. Останови на время свое всегдашнее словесное недержание.

— Не умничай, Санчос, — ответил Андрей, обдав Сашу струей воды. — Я тоже по воде веслом колотить умею не хуже твоего. А могу, между прочим, и не по воде, понял, умник? — добавил, зло сверкнув глазами, и замахнулся на Сашу веслом.

— Хватит! — громко крикнул Егор. Рука Андрея замерла в воздухе. — Нас здесь только трое. Мы одни. Поймите вы, наконец, что нам надо держаться друг друга, а не ссориться из-за ерунды.

— Верно! — медленно опуская руку, проговорил Андрей. — Сашка, прости. На меня что-то нашло.

— Ладно, и ты на меня не сердись, — дружелюбно проговорил Саша. — Мир!

— Итак, я считаю, что мы должны сказать: прости нас! Мы не сможем победить тебя! — закончил свою мысль Егор.

Ребята надолго замолчали. Каждый обдумывал это предложение, глядя на воду, на тайгу, на небо, но, избегая встречаться взглядом с кем-то из друзей.

— Так, — первым не выдержал Саша. — Что мы имеем? Мы имеем реку Забвения тире Шальную, посреди которой приклеились трое в лодке. Вокруг тишина. Вокруг ни души. Солнце в зените. Эхо отсутствует. Часы стоят. Что из всего этого следует?

— Давайте скажем то, что Егор предложил, — выпалил Андрей.

— Только, может, орать не будем, а спокойно скажем, — предложил Егор.

– Принято, – улыбнулся Саша. – Решение задачи найдено, а вот правильное ли оно, время покажет. Значит на счет три. Внимание, приготовились, три.

– Прости!

– Мы не сможем победить тебя!

Ответом была тишина. Ребята грустно опустили головы. Вдруг Андрей стукнул веслом по воде и изо всех сил закричал:

– Прости, прости, прости-и-и!

– Мы не победим тебя! – поддержал его Саша.

– Мы слабые! – крикнул Егор.

Ребята кричали и колотили веслами по воде.

– Ти, ти, ти...

– Дим, Дим, Дим...

– Бые, бые, бые... – вдруг колокольчиком откликнулось эхо.

Защебетали птицы. Подул ветерок.

– Ребята, мы плывем! Мы снова плывем по нашей Шальной реке. Ура! – первым заметил произошедшую перемену Андрей.

– Ура! – засмеялся Саша.

– Гип, гип! – закричал Егор и поднял вверх весло.

Вода, задержавшись на самом кончике весла, рассыпалась крупными горошинами, образовав радугу. Егор еще раз опустил и затем поднял весло. Радуга появилась снова.

– Ребята, – испуганно проговорил Егор, – посмотрите, радуга.

– Гребь, давай, фантазер, – буркнул Андрей.

– погоди, Андрюшка, что-то и в самом деле не то происходит, – насторожился Саша. Он приподнял весло, так, как это только что делал Егор. Вода рассыпалась большими крупными горошинами, похожими одна на другую. Капли скорее напоминали бусины, из которых собирались сделать бусы, радужные бусы – радугу. И радуга тут же появлялась, словно кто-то умелой рукой быстро нанизывал все бусинки в нужном порядке. Сколько раз Саша поднимал весло, столько раз появлялись радужные бусы – радуга. Пока Саша и Егор поднимали и опускали весла, любуясь радугой, Андрей сосредоточенно греб к берегу.

– Поднажмите на весла, трутни, за поворотом спасительная пристань, – бурчал он, не оставляя своей работы. Саша и Егор тоже взялись за дело. – Так-то лучше. Давайте друженько и раз, и раз, и раз... мамочки!

Крик Андрея заставил всех замереть с открытыми ртами. За поворотом взору ребят предстали огромные белоснежные горы. Снег так сиял и искрился на солнце, что было больно смотреть на эту белизну. А рядом со снежными горами стояли зеленые деревья. Из сочной зеленой травы тут и там высывали головки васильки и ромашки, красными каплями просвечивались алые маки.

– Безумие. Это какое-то безумие. Скажите, что я брежу, – простонал Андрей. – Ущипните меня, дайте мне подзатыльник, все, что угодно, только скажите, что это мираж. Здесь никогда не было никаких гор. Откуда они здесь появились, да еще и со снегом?

– Да, не нравится мне все это, – пробурчал Саша.

Он машинально поднял весло. Бусинки скатились и, как по заказу, образовали радугу.

– Может, попробуем причалить? – робко предложил Егор.

– Куда? – раздраженно выкрикнул Андрей. – Ты что, ослеп совсем? Или ты не видишь этих гор?

– Это ты ослеп, – ответил Егор. – Если посмотреть чуть правее, то можно увидеть пристань.

Ребята посмотрели туда, куда указал Егор, и увидели деревянные настилы. Не сговариваясь, они дружно схватились за весла. Чем ближе становились настилы, тем яснее было, что это не временный причал, а капитальная пристань, сделанная давно и очень качественно.

– Смотрите, здесь даже есть специальные крепёжные устройства. Такое впечатление, что сюда причаливают не байдарки и лодки, а катера и яхты, – проговорил Саша, внимательно разглядывая крепежи на причале.

– Какие яхты могут быть на Шальной реке, сам посуди? Это полный абсурд, – перебил его Андрей.

– Сдается мне, что мы вовсе не на нашей Шальной реке, а где-то... – Саша сделал рукой непонятный жест, пытаясь объяснить необъяснимое.

– Где бы мы ни были, я советую сойти на берег, – предложил Андрей и первым ступил на деревянные мостки. Они приветливо отозвались легким поскрипыванием.

– Ну, как? – поинтересовался Егор.

– Ноги затекли, а так все достаточно сносно. Морской болезни не наблюдаю. Вылезайте, – потягиваясь, ответил Андрей.

Ребята закрепили байдарку и вылезли на деревянный причал. Он приветливо скрипнул, встречая каждого.

– Что будем делать дальше? – спросил Саша. – Местность незнакомая, солнце в зените. Стоп... А, который все-таки час?

– Мои электронные все еще показывают пустоту, – грустно отозвался Егор.

– А мои – полдень, – сообщил Андрей. – Только я не совсем уверен, что они идут. – Он вытянул вперед руку, и ребята по очереди стали прикладывать уши к часам. Работы механизма не было слышно. Все три стрелки приклеились к цифре 12.

– Похоже, продолжение наших приключений следует, – грустно заметил Саша.

– А я есть ужасно хочу, – честно сознался Егор.

– И я, – засмеялся Андрей. – Просто, как удав, могу проглотить целую курицу, которую мне любезно запекла матушка.

Ребята развеселились, быстро потроша рюкзаки с провизией. Прямо на деревянных мостках они расстелили белое полотенце, устроив импровизированный стол, и принялись с аппетитом уплетать домашние пирожки, холодную курицу, картошку, помидоры.

– 5 –

Утром Людмила проснулась с новым ощущением. Камень, который висел у неё на шее после пропажи брата, исчез. От вчерашней растерянности не осталось и следа. В Людмилу переселилась необыкновенная уверенность Игоря в том, что Саша жив и непременно даст знать о себе. Эта уверенность наполнила ее душу необычной легкостью. Людмила впервые после долгих, безрезультатных поисков улыбнулась солнцу и широко распахнула окно. А за окном уже давно царствовал дневной зной. Жаркий воздух проник в прохладную Людмилу комнату.

– Жара-то какая, – громко сказала она сама себе и, набросив халатик, побежала к реке, чтобы охладиться в студеной воде.

Людмила, легко перепрыгивая с ноги на ногу, бежала к реке, разглядывая травинки и цветы под ногами. Но, когда она подняла голову, чтобы полюбоваться тайгой, то замерла на месте, так и не поставив поднятую ногу на землю. Прямо перед собой, на том берегу реки она увидела горы с необыкновенно белыми вершинами. Снег так сиял и искрился, что Людмила прикрыла глаза ладонями.

– Откуда здесь снежные горы? – воскликнула она. – Я просто брежу. Я еще не проснулась. Это сон. Нет, я же помню, что вышла из дома и пошла на реку. Возможно, это мираж. Сейчас я открою глаза, и все будет, как раньше. – Она убрала руки и открыла глаза. Но тут же снова закрыла их, потому что горы были.

Тогда Людмила прищурила глаза и слегка раздвинула пальцы, чтобы лучше разглядеть сверкающие на солнце вершины. Но сияние было настолько ярким, что Людмиле пришлось снова зажмуриться. А когда она открыла глаза, то гор уже не было, а рядом появился отец.

– Людмилка, ты что это на одной ноге стоишь? – спросил он.

– Я горами любовалась, – ответила она, опуская занемевшую ногу.

– Что, что? – удивился отец. – Про какие это ты горы тут придумала? Здесь у нас сроду никаких гор не было.

– Знаю, папка, – подтвердила Людмила. – Они появились и исчезли. Все стало как раньше, разве что река заблестела чуть-чуть сильнее. Па, ты не слышишь, как кто-то злобно смеётся? – прижавшись к отцу, спросила она.

Он отрицательно покачал головой.

– А я слышу, слышу этот мерзкий смех. Я, наверное, с ума схожу.

– Успокойся, дочка, – погладив ее по голове, проговорил Валерий. – Нам просто всем надо как следует отдохнуть, чтобы всякие миражи не мерещились.

– А ты здесь раньше миражи видел? – резко вскинув голову, спросила Людмила.

– Если честно, нет. А вот живого медведя видеть приходилось, – сказал Валерий. – Мы с Пашкой, Пал Васильевичем, на рыбалку пошли. Поднялись вверх по течению туда, где больше всего порогов. Река там, как бешеная шумит, бурлит, безобразничает. Шум стоит такой, что сам себя не слышишь. Решили мы слегка подкрепиться для начала. А пес Пашкин Ингурка заметался вдруг, залаял. Что за ерунда такая? Мы давай его ругать, а он знай свое, мечется, лает, рычит, шерсть дыбом встала, на спине гребень как у динозавра появился. Начали и мы по сторонам смотреть. Батюшки! Метрах в ста от нас огромный Михайло Потапович лапами рыбу ловит. По воде так нехотя шлепает – шлеп, шлеп, шлеп. Брызги во все стороны. Мать честная, не спастись, не уйти нам от хозяина тайги. Медведи ведь самые быстрые животные. Они столько движений в минуту своими лапами делают, что не уследить. А когти, точно ножи, заточенные с двух сторон. Да и сто метров для него, что для нас два шага. Решение Потапыч тоже молниеносно принимает. Пока у нас мысли работать начнут, он уже на множество ходов вперед все просчитает. Мы замерли. А Миша нехотя повернулся

и пошел прочь от реки. Видно, сытый был. Мы с Пашкой точно проснулись от гипноза. Рюкзаки бросили, удочки бросили и деру дали. Ингурка впереди нас бежал, дорогу показывал. Домой пришли живые, но без всего, с пустыми руками. Мать ворчать на нас принялась. А мы потом два дня с Пал Васильевичем водку пьянствовали, празднуя наше чудесное спасение. Вот такой случай со мной был, а миражей не видел. Купаться пойдешь?

– Нет, расхотелось что-то, – ответила Людмила, подозрительно покосившись на реку.

– Мудрое решение, вода еще очень студеная.

Отец и дочь развернулись и пошли к дому. На веранде уже хлопотала Светлана, накрывая на стол. Она приготовила на завтрак блины с любимым Людмилиным вишневым вареньем.

– Скорее к столу, а то все остынет, – позвал Игорь. – Мы с мамой вас уже заждались.

– Вот и остались мы без Санечки, – тихо проговорила Светлана, когда все уселись на свои места. – Никто тебе, сынок, таких блинов не напечёт...

– Мама, ну зачем ты опять плачешь? Мы только успокоились... – застонала Людмила.

– Послушайте, что я вам предложу, – поднявшись из-за стола, сказал Игорь. – Только, прошу без сырости.

– Правильно, сынок, это по-мужски, – поддержал его Валерий. – Говори.

– Мы все должны верить в то, что Саша уехал. Мог же он уехать в другой город? Или даже в другую страну, на другой континент?

– Да, но... – перебила его Светлана.

– Не перебивай сына, он дело говорит, – остановил ее Валерий. Светлана послушно зажала рот рукой.

– Саша уехал очень далеко, – продолжил Игорь. – Связь с нашим поселком не очень-то хорошая, поэтому вестей ждать придется долго. Но это не значит, что вестей не будет. Они будут, просто не так скоро, как нам бы хотелось. И еще: вы сами всегда говорили, что наш Санечка самый, самый! Именно поэтому он не мог погибнуть просто так. Мы не нашли его тело, значит он жив!

– Правильно, сынок. Мы все так и будем считать, – улыбнулась Светлана, понимая, что это спасительная соломинка, за которую ей следует держаться. Только веря, что ее сын жив, она сможет жить дальше. Скорбь, страдание скоро притупятся, а любовь и добрая память останутся с ней до последнего вдоха....

После завтрака, улучив момент, Людмила вошла в комнату Игоря и скороговоркой выпалила:

– Я не сумасшедшая, Игорек, но я сегодня на том берегу реки видела горы! Снежные вершины так сияли на солнце, что было больно смотреть. А у подножия гор красные маковые поля. И еще мне показалось, что там причал...

– А на причале трое ребят: Саня, Егор и Андрей, – продолжил Игорь.

– Ты видел, видел? – схватив брата за руку, воскликнула Людмила.

Видел, Милка, видел, – ответил Игорь, высвобождая руку.

Но Мила схватила его за другую, требуя подробнее рассказать обо всем, что он видел. Игорь высвободился из цепких рук сестры, усадил ее на стул, сам сел напротив и, вздохнув, сказал:

– Все было похоже на мираж. Мне казалось, я видел, как они причаливают, спорят, устраиваются пообедать. Мне показалось, что еще немного, и я смогу узнать, услышать, о чем они говорят... Но все неожиданно пропало, будто свет погас. Знаешь, как бывает, когда ты кино смотрел, а на самом интересном месте вдруг свет вырубili. Но на экране еще осталась светящаяся точка, в которую ты тупо смотришь некоторое время. И только потом до тебя начинает доходить, что всё, всё – никакого кина не будет!

– Когда, когда ты все это видел?

– Задолго до того, как ты проснулась.

– Значит, мы видели одну и ту же картину в разное время, – Мила подняла палец вверх. – А можно видеть один и тот же мираж в разное время? – Игорь неуверенно пожал плечами. – Так, а почему папа не видел ничего?

– Наверное, мы по-детски открыты еще для чудес, – сказал Игорь.

– Ты себя в четырнадцать лет ребёнком считаешь? – удивилась Мила. – Я так точно в 16 уже не дитё. У меня уже паспорт есть.

– Ты меня не совсем правильно поняла, – перебил ее Игорь. – Мы еще мало знаем, то есть у нас не очень большой жизненный опыт, поэтому нас зомбировать легче, чем взрослых.

– О чем это ты? – Мила уставилась на него.

– Мне кажется, что мы с тобой попали в зону массового гипноза. Вероятно, это летающие тарелки с инопланетянами проводят эксперименты, – заговорщическим тоном начал Игорь.

– Бред, – крикнула Мила. – Ты сам не веришь в то, что говоришь. Давай лучше закончим этот глупый разговор, пока не поругались основательно. И, пожалуйста, мне про инопланетян больше ничего не говори, а то непременно затрещину схлопочешь.

– О, это серьезное предупреждение. Я все понял. Не смею вас, сестренка, дольше задерживать, – сделал реверанс Игорь.

Людмила расхохоталась и вышла из комнаты брата.

— 6 —

Зинка сидела в своей комнате и боялась выйти. Так все вчера глупо вышло. Она не могла объяснить, зачем позвала этого Кольку к себе. Он ей совсем не нравился. Зинка наморщила лоб, вспоминая, с чего все началось. Они, как всегда, сидели на площадке напротив дома. Пришел Колька и угостил всех сигаретами, как-то уж чересчур ехидно предупредив, что сигаретки с сюрпризом. Потом, резко повернувшись к Зинке, спросил, не испугается ли она.

— Я ничего не боюсь, — по-взрослому ответила Зинка.

— Значит, ты уже про все знаешь? — ехидно поинтересовался Колька.

— Знаю, — зло бросила Зинка.

— И про это тоже знаешь? — не унимался Колька.

— Знаю про все, отстань, зануда. Давай сюда свои сигареты.

— Держи, — улыбнулся он, протягивая ей сигарету не из пачки, а из кармана. И поднося зажигалку, шепнул:

— Спешел фор ю. Должна будешь.

— Ладно, разберемся, кто кому будет должен, — нарочно громко ответила она, сделав глубокую затяжку и выпустив дым прямо в довольное Колькино лицо.

Он хохотнул и отошел в сторону. А Зинка картинно затягивалась и выпускала дым, понимая, что Колька не зря говорил про какой-то сюрприз. Сигареты были более сильные, чем обычные, а уж толк в табаке она знала. Она мастерски таскала у пьяного отца целые пачки сигарет. А потом продавала по одной сигарете одноклассникам. Девчонки с завистью смотрели, как Зинка пускает кольца дыма. А уж с каким знанием дела Зинка говорила о достоинствах того или иного табака! Она даже пробовала папиросы, стащив их у деда. Но то, что она курила сейчас, было совсем ей не знакомо. От каждой затяжки кружилась голова, и перед глазами мелькали странные разноцветные звездочки. В голове возникали мысли одна безумнее другой. Внутри разгорался пожар, толкающий совершить что-то из ряда вон выходящее. Но Зинке было стыдно выбросить сигарету. Она должна была всем утереть нос. Ей хотелось славы, всеобщего внимания.

— Хочу быть царицей! — громко закричала Зинка, сделав последнюю затяжку. — Велю всем пасть предо мной на колени!

— У тебя, Зиночка, крыша поехала, — усмехнулся Колька, прижав ее к себе.

— У меня не крыша, а мама куда-то поехала, понял, — расхохоталась Зинка, отталкивая его.

— О, это нас вполне... Значит идем к тебе? — обрадовался Колька.

— Вот именно, повелеваю идти ко мне! — хлопнула в ладоши Зинка. — Только ты, мой верный раб, должен нести меня на руках. Ты же не допустишь, чтобы твоя госпожа наступала на лягушек. Здесь их столько...

— Где? — дружно завизжали девчонки, забравшись на лавку с ногами.

— Малышки, это Зинуля так шутит, — сказал Колька, перебросив Зинку через плечо, словно мешок.

— Ой, больно, пусти! — завопила она и заколотила его по спине. Он поставил ее на землю, но она, сделав несколько шагов, упала и закричала не своим голосом.

— Колька, убери от меня этих лягушек. Фу, какие они мерзкие и огромные. Снимите их с меня. Колька, води меня домой.

Он грубо дернул ее за руку, поднимая с земли, и потащил за собой к подъезду. На лестнице Зинке никак не удавалось поставить ногу на нужную ступеньку. Она хохотала, а Колька грубо толкал ее в спину, повторяя:

– Шевелись быстрее, глупая гусыня. А то мы до утра на твой второй этаж не заползем с такими темпами.

Он сам открыл дверь ее ключами, а потом запер изнутри, оставив ключ в замке. Кольку ничуть не смутило, что на диване храпел Зинкин пьяный отец. А когда она попыталась его разбудить, Колька зажал ей рот и сказал:

– Пусть отдыхает, не стоит его тревожить. Пойдем сразу в твою комнату. Которая твоя? Зинка показала. Колька втолкнул ее в комнату, закрыв за собой дверь, спросил:

– Замка нет? Плохо, очень плохо. В следующий раз чтобы был, поняла?

Зинка ничего не поняла. Она часто-часто моргала, отодвигаясь от Кольки. А он вел себя по-хозяйски.

– Так, свет нам не нужен. А вот покурить тебе уже пора, смелая Зинка.

Он раскурил сигарету и протянул ей. Она замотала головой, пытаясь отказаться. Колька ее пристыдил.

– Неужели струсил? Неужели мне придется всем рассказать, что ты только на публике храбрая, а на деле – самая настоящая трепачка...

– Давай сюда свою сигарету, – разозлилась Зинка.

Ей очень не хотелось выглядеть душой. Ей не хотелось потерять свой авторитет среди одноклассников. Поэтому она взяла протянутую сигарету, хотя понимала, что делает это зря. А, чтобы оправдать свою трусость, добавила:

– Я просто не хотела, чтобы в комнате табаком пахло.

– О, если дело только в этом, то мы откроем окошко, и все выветрится моментально.

Пока он открывал окно, Зинка сделала затяжку и снова, почувствовав в себе странный прилив бредовых идей, рухнула на кровать со словами: «Я царица!»

– Царица, царица, – ехидно бубнил Колька, снимая с неё одежду.

Зинка совершенно не сопротивлялась. Она была безвольной куклой в его руках. Когда на Зинке совсем не осталось одежды, Колька очень ласково попросил:

– Покажи, как ты умеешь колечки из сигаретного дыма пускать.

Зинка затянулась и, сложив губы буквой «О», выпустила несколько ровных колечек.

– Еще, еще, у тебя такие потрясающие колечки выходят, залюбуешься.

Пока Зинка демонстрировала свое умение пускать дым колечками, запрокинув голову, Колька раздевался. Когда Зинка выпустила последний дым и опустила голову, то увидела прямо перед собой обнаженного мужчину. Она даже не поняла, откуда вдруг в ее комнате голый человек, но это не смутило, а развеселило ее.

– Ой, мужчина, вы ко мне? Я, признаться, не ждала. Мне вас неловко одетой встречать. Погодите, я тоже разденусь...

– Кончай базарить, – резко оборвал ее Колька и грубо навалился сверху всем весом своего тела.

Зинка понимала, что надо сбросить его, надо что-то сделать. Но ее тело было каким-то безвольным, вялым. Руки, ноги, голова существовали сами по себе, совершенно не слушаясь друг друга. Зинке не было страшно. Ей было просто противно, что кто-то так бесцеремонно придавил ее к кровати. Она рассердилась, завопила:

– Пусти, урод!

– Замолчи, а то ударю, – пригрозил Колька. – Я тебя сразу предупредил, что должна будешь, вот и расплачивайся. Поняла?

– Нет, не поняла ничего, – выпалила Зинка.

– Сейчас поймешь, – сквозь зубы процедил Колька и сильно ударил Зинку по лицу.

Она почувствовала соленый привкус крови во рту, а из носа потекла тонкой струйкой какая-то жидкость. Зинка машинально прижала ладонь к лицу. Колька тут же скрутил ее другую руку так, чтобы Зинка не могла сопротивляться.

– Все кончено, – с ужасом подумала Зинка и закрыла глаза.

Но, точно гром среди ясного неба, раздался пронзительный визг. Зинка не поняла, что это вернулась мама, что это она кричит и топает ногами. Колька от испуга и неожиданности разжал руки, и Зинка толкнула его ногой в живот. От неожиданности Колька свалился на пол. На его голову обрушились удары, которые наносила Зинкина мама. Зинка ликовала. Мама спасла ее от позора, выставила Кольку полным идиотом. Он получил по заслугам. Он теперь ни за что не посмеет сунуться в их дом, не посмеет обидеть ее, не посмеет ничего рассказать, потому что тогда она тоже всем расскажет, как он пулей вылетел на лестницу, спасаясь от карающей руки тети Риммы...

Все это было вчера. А сегодня Зинку мутит так, что она боится пошевелиться. Тошнота добралась уже до самого горла. Голова разламывалась так, будто кто-то вбивал ей в темечко гвозди, чтобы сделать мучения невыносимыми. Лицо было настолько опухшим, словно она вместе с отцом пила несколько дней подряд. Под носом запеклись две струйки крови.

– Ой, больше не могу, – закричала Зинка, пробежала в туалет, упала на колени перед унитазом. Мерзкая желто-красная жидкость вылилась из ее рта, причинив страшную боль. Римма приоткрыла дверь в туалет и уставилась на рыдающую Зинку, у которой не прекращалась рвота. Она долго стояла молча, а потом, погладив Зинку по голове, сказала:

– Все будет хорошо, дочка. Не плачь. Сейчас я тебе чаю крепкого сделаю.

Зинка жадно пила чай, боясь поднять глаза на мать.

– Горе ты мое луковое, – вздохнула Римма.

– Прости меня, мамочка, – бросившись матери на шею, простонала Зинка.

Римма прижала дочь и разрыдалась вместе с ней.

– Что же ты такое творишь, Зинаида? Мне и так житья нет из-за отца-алкоголика. Егорка пропал. А ты по мужикам в пятнадцать лет таскаться начала...

– Мамочка, он сам пришел, я его не звала. Я не хотела. Ты меня от позора спасла. Он ничего мне не сделал, только по лицу ударил, – завопила Зинка.

– Так он на тебя напал с целью насилия? – отшатнулась Римма.

– Да, да, да! Но у него ничего не вышло. Ничего. Мы его вытурили. Если бы ты не пришла вовремя, я даже не знаю, что было бы.

– Ладно, не будем о плохом, – успокоила ее Римма. – Все закончилось очень хорошо.

– Мам, я должна тебе во всем признаться, – Зинка поняла, что ей необходимо все рассказать матери, чтобы быть уверенной в помощи и поддержке.

Стало ясно, что Егора не зря ругал ее за вранье. Не зря повторял, что любая, даже самая малюсенькая ложь, может обернуться огромной бедой. И вот эта беда чуть было не случилась с ней. Она сама своими руками могла сломать всю свою жизнь и ужасно огорчить маму. Об отце Зинка совсем не думала в этот момент. Она была зла на него за его вечное, беспробудное пьянство, за его безразличие ко всему, кроме своего желания «залить горящие трубы», как он любил оправдывать себя. Зинка давно смотрела на отца, как на некий аппарат по переработке водки. Она выкрикивала отцу прямо в лицо, что он аппарат без чувств, мыслей, эмоций, не любящий и не ценящий никого, кроме смазки, называемой водка. Да, если бы у нее был нормальный отец, Колька ни за что не посмел бы переступить порог их дома. Он бы не посмел так нагло вести себя с ней. Зинка передернула плечами, вспоминая противное потное тело, которое дурно пахло. Она поняла, что кроме мамы никто не поможет ей, поэтому она должна, просто обязана ей все честно рассказать.

– Мам, он мне дал какую-то странную сигарету. У меня потом ужасно кружилась голова. А утром вырвало какой-то противной красно-желтой жижей. Мне так плохо, будто кто-то вбивает в голову гвозди, а потом пытается их вытащить. Все тело ломит так, точно меня били палками... Мамочка, родная моя, помоги мне, защити меня!

Зинка уткнулась матери в грудь и громко разрыдалась. Римма прижала голову дочери одной рукой, а другой гладила, гладила по волосам. Она ничего не говорила, просто гладила дочь, тупо уставившись в солнечный квадрат на стене.

– Мама, не молчи, – взмолилась Зинка. – Отругай меня, отлупи, только не молчи.

– Тише, тшш, погоди, – прошептала Римма, отстранила дочь и внимательно посмотрела ей в глаза. Зинка была похожа на испуганного, затравленного зверька, ждущего помощи.

– Одевайся, – скомандовала Римма.

– Зачем? – удивилась Зинка.

– К Матрене пойдем.

– К этой колдунье, – отшатнулась испуганная Зинка. – Нет, я к ней не пойду. Куда угодно, только не к ней...

– Быстро одевайся! – властно приказала Римма.

Поняв, что препираться бесполезно, Зинка пошла в свою комнату. Странный холодок царапнул ее изнутри. Но она попыталась списать все на свое тошнотворное состояние. Зинка взяла платье и с большим трудом натянула его. Подошла к зеркалу, чтобы причесать волосы и увидела в отражении, что по комнате мечется солнечный зайчик.

Зинка выглянула в окно в поисках того, кто мог бы так забавляться. Но двор был абсолютно пуст. Да и солнца не было. День был пасмурный. Зинка отвернулась от окна, и снова увидела прыгающего солнечного зайчика. Он метался по комнате все быстрее и быстрее. Зинка села на край кровати и замерла. Зайчик замер напротив неё на стене.

— 7 —

Тамара проснулась в прекрасном расположении духа. Её снился Андрейка. Хорошо снился. Это ее успокоило. Она потянулась, улыбнулась, вспоминая сон, и открыла глаза. Реальность удивила и обескуражила ее. Тамара поняла, что находится в совершенно незнакомом месте. Она лежит на мягкой кровати, укрытая небесно-голубым одеялом. Тамара встала и, посмотрев на свою ночную рубашку, ахнула. Это было что-то тонкое, воздушное, расшитое кружевами.

— Какая красота! — сказала Тамара, проводя рукой по тонкой ткани. — У меня никогда ничего подобного не было. Я, верно, сплю и мне все это снится. Да, да, это продолжение сна...

— Как спалось? — услышала она за своей спиной приятный женский голос, а, обернувшись, увидела высокую статную даму, которой хотелось поклониться. Что Тамара и сделала. Дама словно пришла сюда из прошлого века. Сейчас таких не встретишь. Таких показывают в исторических фильмах. Но Тамара понимала, что это — не кино, а реальность, ее нынешняя реальность, которую нужно принимать.

— Как спалось? — еще раз переспросила дама.

— Благодарю Вас, сударыня, я славно выспалась, — ответила Тамара и еще раз поклонилась даме. А про себя удивленно отметила, что такое поведение ей совершенно не свойственно. Что даже речь ее стала какой-то несовременной.

— Вот и чудесно! — улыбнулась дама. — Одевайтесь и проходите к столу.

Тамара повернула голову, чтобы посмотреть на ту одежду, которую ей предлагали надеть, ойкнула.

— Что с Вами? — поинтересовалась дама.

— Но ведь это же моя одежда! — неподдельно удивилась Тамара.

— Разумеется Ваша. А Вы, чью хотели увидеть? — дама прищурилась.

— Не знаю, — Тамара покраснела. — Здесь все такое необыкновенное, что мой обычный наряд совсем не к месту. Извините, если я огорчила Вас.

Дама улыбнулась и вышла, оставив Тамару в легком замешательстве. Та, быстро переодевшись, открыла дверь. Яркий солнечный свет ослепил её. Нежный ветерок растрепал волосы. Тамара увидела перед собой зеленую лужайку, в центре которой из огромной чаши бил фонтан. Она подбежала к нему и принялась брызгать себе в лицо холодной водой. Фонтан оживился, словно давно ждал кого-то, с кем можно было поиграть. Тамара развеселилась, как ребенок, играя с фонтаном.

— Вот и славно. Вот и умница, — услышала Тамара знакомый голос и обернулась. В массивном плетеном кресле она увидела Матрену Власьевну, которая держала на руках ребенка, укутанного в кружевные пеленки.

— Доброе утро! — сказала Тамара, сделав реверанс.

— Иди, погляди на дочку, — позвала ее Матрена. Тамара быстро подбежала и опустилась на колени перед Матреной.

В это время малышка открыла глаза, внимательно посмотрела вокруг и улыбнулась.

— Ах, как она улыбается! Здравствуй, моя дорогая! Здравствуй, моя красавица!

— Агу, — ответила девочка.

— Прости меня, золотко мое. Я буду для тебя хорошей мамой.

— Гу, агу, — отозвалась малышка. Тамара протянула к ней руки, хотела взять, Матрена не дала, приказала:

— Иди чай пей, а то самовар уже простыл.

Тамара поднялась с колен и пошла к столу. Чувство вины и стыда терзали душу. Было невыносимо тяжело из-за того, что она пыталась избавиться от ребенка. Немного успокаивало то, что это было не ее собственное решение, не ее желание. Она старалась угодить мужу, думала так его удержать. А он бесновался, кричал на нее, угрожал, требовал, чтобы она сделала аборт...

Вспомнилось, как она радостно сообщила Виктору, что беременна. Он ее радость не поделил. Как-то странно сжался и ушел от разговора. Через два дня позвал Тамару на кухню и, усадив на стул, резко чеканя слова, проговорил:

– Жизнь, Тамарка, тяжелая. Денег нам едва, едва хватает, чтобы существовать. Работа – то есть, то нет. В стране тоже бардак, того и гляди, все в тартарары полетит, а ты рожать затеяла.

– Вить, но ведь жалко же... – попыталась возразить Тамара.

– Жалко! – стукнул кулаком по столу Виктор. – А, когда твои дети с голода умирать будут, что ты тогда запоёшь? – Тамара опустила голову, не зная, что ему ответить. – А, ты не думала о том, как ты жить с дитем будешь, если со мной что-то случится?

– Что с тобой случится? – пискнула Тамара.

– Да что угодно! – крикнул Виктор. – Уйду я от тебя. Уеду в другой город. Умру, заболею...

– ???

– И не смотри на меня побитой собакой. Я тебе возможные варианты предлагаю. В жизни все может случиться. Или ты решила, что я тебя не смогу бросить, если ты рожать надумаешь?

– Нет, – пересохшими губами прошептала Тамара. – Я просто сказала тебе, что беременна, считая, что это наше общее, семейное дело. А ты что, нашел другую? Ты же обещал, клялся в вечной любви...

– Да, мало – ли, что я на тебе обещал? – расхохотался Виктор. – Ладно. Я, Тамарка, против и все. Мне достаточно Андрея. Мне больше детей не надо. Не хочу я по ночам у кровати стоять. Вырос уже, поняла?

– Да, – тихо ответила она. А все внутри сжалось от невыносимой боли, тоски и пустоты. Ей показалось, что она мчится с горы на стремительной скорости, а внизу, у подножия, торчат огромные, острые камни. Впереди её ждет неминуемая гибель. И тогда она закричала:

– Нет, я должна найти выход! Я что-нибудь обязательно придумаю.

– Я тебе придумаю, только попробуй! – грозно закричал Виктор, схватил ее за руку. – Завтра же пойдешь в больницу. Я тебя сам туда отвезу.

Тамара зажала рот рукой, кивнула в знак согласия. Виктор улыбнулся.

– Так-то лучше. Люблю понимающих женщин. Умница...

Всю ночь Тамара промучилась без сна, а утром Виктор заставил ее поторопиться, чтобы быть в женской консультации первыми. Тамара безропотно подчинялась. Она не говорила ни слова, только вздыхала. Виктор вошел в кабинет вместе с ней и набросился на врача с угрозами. Та внимательно его выслушала, а потом вежливо проговорила:

– Хорошо, мужчина, я выпишу вашей жене направление на аборт, но мне надо убедиться в том, что она действительно беременна.

– Не понял? – обескураженно проговорил Виктор.

– Очень часто бывают просто физиологические отклонения, дисфункция яичников, например, которые вызывают сбой менструального цикла. Но это совсем не значит, что женщина беременна. Если вы не против, то я осмотрю вашу жену и поставлю диагноз, – сказала врач, четко проговаривая каждое слово, точно перед ней был не очень умный ученик.

– Ладно, – примирительно буркнул Виктор и уселся на стул. На лице его даже появилось подобие улыбки.

– Мне кажется, что вам будет лучше подождать за дверью, – сказала врач. – Вы же интеллигентный, воспитанный мужчина... или нет?

– Я – то? – смутился Виктор. – Я, это... у меня мама инженер... да ну вас, – с этими словами он выскочил из кабинета.

– Ну, Тамара, раздевайтесь, – посмотрев на ее испуганное лицо, добавила:

– Да успокойтесь вы. Вы же не в первый раз у врача.

Тамара кивнула и пошла за ширму. Она никак не могла унять дрожь, пока раздевалась и забиралась на кресло. Страх за себя, за ребенка, за Андрея душил ее. Тамара казалась сама себе маленьким существом, на которое нападает огромный монстр – Виктор, чтобы отнять у нее все дорогое, а, возможно, и ее жизнь.

– Н-да, – вывел ее из оцепенения голос врача. – С абортom вы уже опоздали. Срок уже двенадцать – тринадцать недель, а мы только до восьми делаем. Почему же вы только сейчас пришли?

– Я... Я не знала... Я не сразу поняла... Не могла поверить, что это произошло. Ведь нашему старшему сыну уже семнадцать. И за это время у меня никаких беременностей не было. Были задержки несколько раз, но... Поэтому и в этот раз я была совершенно спокойна. А, когда поняла, что это не просто задержка, обрадовалась. Виктору сказала, а он... – Тамара не смогла сдержать слезы и расплакалась, как маленький ребенок.

– Стоп, – врач сдвинула брови. – Так вы хотите оставить ребенка?

– Да, – ответила Тамара.

– А муж против и заставляет вас делать аборт?

– Требуется, – простонала Тамара.

– Дело непростое... Беседовать с ним бесполезно. Он уже нам тут истерический концерт показывал. Хватит. Надо поступить по-умному, – она заговорщически подмигнула Тамаре. – Я вам выпишу направление на аборт...

– Как? – вскрикнула Тамара.

– Это нужно вашему мужу, – рассмеялась врач. – Ведь он пришел сюда именно за этой бумажкой. Вот мы ему ее и дадим...

– Сколько можно надо мной издеваться? – зло выкрикнул Виктор, просовывая голову в дверь. – Пишите свое направление быстрее. Я ее сегодня же в район сам отвезу.

– О, какой вы быстрый, – рассердилась врач. – Да у нас на такую операцию запись на месяц вперед. А вашей жене еще неделю анализы сдавать надо будет...

– Я заплачу за все...

– Это процесс не ускорит. Закройте дверь! – стукнула кулаком по столу врач.

– Можно побыстрее, – неожиданно мягко попросил Виктор, – А то на меня тут как на беременного мужика смотрят.

– Выйдите на улицу, чтобы никого не смущать. – Голова Виктора исчезла. – Вот и славно! – улыбнулась врач. – Нам обманывать не придется. Будете очереди ждать, анализы сдавать целую неделю. Ну, а ко мне на прием дней через десять придете. Тогда решим, что придумать, а, может, ваш муж нам опять что-нибудь сам подскажет. Улыбайтесь, Тamarочка. Все будет хорошо. Я вас уверяю, что у вас обязательно все будет хо-ро-шо! – она обняла Тамару за плечи и подтолкнула к выходу.

Несколько дней в семье царил покой. Виктор был на редкость внимательным, шутил, делал комплименты, покупал фрукты. Один раз даже принес цветы. Огромный букет белых гвоздик.

– Красота какая! Такие букеты невестам дарят. Ты снова в меня влюблен? – спросила Тамара.

Виктор как-то странно пожал плечами и ничего не ответил.

А на следующий день Тамара увидела на столе записку. Край белого листа был подсунут под вазу с гвоздиками. Тамара, улыбаясь, вытянула листок и застыла в ужасе.

«Извини, Тамарка! Я больше не могу разрываться на два дома. Надеюсь, ты все в больнице уладишь сама. Я тебе честно хотел помочь, но все так затянулось, а я дольше ждать не могу, не имею права. Сыну привет. Объясни все сама, как считаешь нужным. Виктор».

Тамара перечитала несколько раз. Положила листок на стол, аккуратно разгладила его. Отошла к окну и принялась разглядывать прохожих через прорези в занавеске. Люди торопливо шагали по тротуару, погруженные в свои заботы. Никому не было дела до маленькой, испуганной, брошенной женщины, стоящей в пустой комнате. Тамара резко повернулась и быстро подошла к столу. Схватила записку, прочла ее вслух, подражая интонации Виктора. Внутри закипела, забурлила злорада, граничащая с отчаянием. На лбу выступили капли пота, а руки, наоборот, стали холодными.

– Все! – громко сказала Тамара. – Все, я не хочу больше ничего, ничего. Я должна умереть! Раз я никому не нужна, то это будет самый правильный выход.

Тамара заметалась по комнате, обдумывая, как бы ей лучше уйти из жизни. Она вспомнила, что ей говорили, будто Виктор путается с какой-то Клавой. Она не верила, считая, его верным мужем, порядочным семьянином. Ошибалась.

Вспомнила их недавний разговор о том, что ничто не вечно, что все когда-нибудь кончается... С грустью подумала о том, что этим разговором он готовил ее к предстоящему неминуемому разрыву.

– Ушел... Забыл... Разлюбил... – бубнила Тамара, выбрасывая из аптечки таблетки. Она искала снотворное, но никак не могла его найти. Когда же, наконец, нашла, обрадовалась. Ее больше не била дрожь, не душила обида, их место теперь заняла черная пустота, которая шептала ласковым голосом:

– Накажи их всех! Пусть им всем будет плохо. Заставь их всех плакать так, как они заставляли тебя. Виктор – мерзавец и трус. Он побоялся поговорить с тобой, глядя тебе в глаза. Оставил глупую записку, как нашкодивший школьник. Он достоин самого страшного наказания! Отомсти! Убей себя, тогда он поймет, кого он потерял!

– Надо выпить десять таблеток, – вслух сказала Тамара.

– Больше, – посоветовал голос внутри неё. – Запей водкой. Это подействует наверняка!

– Точно! – обрадовалась Тамара и побежала в кухню.

В холодильнике стояла бутылка водки, купленная для компрессов. Тамара быстро свернула крышку и, налив себе полный стакан, пошла в комнату. Она насыпала себе полную горсть таблеток и, запрокинув голову, начала их глотать.

– Не робей, – подначивал ее голос, становясь более властным и настойчивым. – Накажи их всех! Стань свободной!

– Правильно, я должна стать свободной! – обрадовалась Тамара. – Я буду свободной! Мне не надо будет никому угождать, а все будут угождать мне!

– Тебе, тебе! – гремел голос.

– Ну, – Тамара высоко подняла стакан, произнесла тост. – Пусть плачут все, кто мною пренебрег!

Выпила залпом и хотела проглотить еще несколько таблеток, как приказывал голос, но внезапная боль пронзила все ее тело. Перед глазами запрыгали разноцветные зайчики, ноги подкосились, и Тамара рухнула на пол.

Услышав странный звук, Андрей вошел в комнату и увидел разбросанные на столе таблетки и маму, лежащую на полу в странной позе.

– Мама! – закричал Андрей и принялся трясти ее. – Что ты наделала? Зачем? Почему? Тамара никак не реагировала. Андрей прислонил ухо к ее груди и услышал слабое сердцебиение. Тогда он изо всех сил начал колотить ее по щекам. Злоба, отчаяние переполняли его. Он хлестал мать по щекам, плакал и кричал:

– Как ты посмела так поступить со мной? Почему ты не подумала обо мне, жалкая эгоистка? Мамочка! Мамка, да очнись же ты!

– Бо-о-о-о-о-ль-но, – простонала Тамара и приоткрыла глаза.

– Мамочка! – радостно закричал Андрей. – Скорее приходи в себя, дорогая моя. Как же ты меня напугала!

Он стоял перед Тамарой на коленях и прижимал ее голову к груди.

– Андрюша, что-то в школе случилось? – удивленно спросила Тамара, увидев заплаканное лицо своего взрослого сына.

– Нет, в школе все как раз замечательно, а вот ты хотела отравиться, – заорал Андрей. – Как ты посмела? Ты совсем не любишь меня, да?

– Андрюша, как ты мог такое подумать? – возмутилась Тамара.

– Как? – Андрей вскочил и, схватив рассыпанные по столу таблетки, показал ей. – Ты же пыталась покончить жизнь самоубийством!

– Не-е-е-т! – Тамара замотала головой.

– Нет? – Андрей зло сверкнул глазами. – Тогда зачем весь этот спектакль? Зачем ты улеглась на пол, выпив полбутылки водки и гору таблеток?

– Прости меня, сынок, – попросила Тамара. – Помоги мне подняться. Я тебе все объясню.

Андрей усадил мать на диван, укрыл пледом, а сам сел напротив. Тамара внимательно посмотрела в горящие гневом глаза сына и, испугавшись за него, испугавшись его молодой горячности, начала говорить что-то про свою нервозность, неуравновешенность.

– Не ври мне, пожалуйста, – попросил ее Андрей.

Он взял письмо отца и прочел его вслух. Тамара закрыла лицо руками, чтобы не видеть осуждающего взгляда сына. А он и не собирался осуждать или обвинять ее. Он опустил перед ней на колени и, взяв холодные ладони в свои руки, принялся целовать их, повторяя:

– Мамочка, я умру без тебя, пойми. Ты нужна мне, ты просто мне необходима. Ведь только ты любишь меня таким, каков я есть. Кроме тебя, я никому не нужен. Отец ведь не только тебя бросил, он и от меня отказался. Он нас с тобою предал. Он предатель и трус. Трус и предатель.

– Нет, – попыталась оправдать мужа Тамара. – Он просто понял, что не сможет уйти, если мы будем смотреть на него преданными глазами. Ведь мы бы непременно уговорили его остаться.

– Мамочка, не защищай его. Я ему это предательство ни за что не прощу, – сжав кулаки, проговорил Андрей.

– Не надо, сынок. Непрощение – тяжкий грех. Не бери этот камень на шею. В жизни происходят разные ситуации. И никто не может четко сказать, как он сам поступит в тот или иной момент. Ты же не знаешь, что и как сложится в твоей жизни...

– Зато я четко знаю, что никогда не буду трусом, лгуном и предателем, – выкрикнул Андрей, поднимаясь с колен. – Я останусь человеком с большой буквы. Люди отличаются от животных тем, что имеют способность выражать свои мысли. Люди умеют говорить! И он мог поговорить с нами, все объяснить. Он должен был оставаться мужчиной, джентльменом, в конце концов, а не похотливым кобелём, который побегал за первой попавшейся су...

– Андрей! – крикнула Тамара. – Я умоляю тебя!

– Прости, мам, – смущенно проговорил он. – Хотя, это ведь литературное слово.

– Мне неприятно, что ты хотел употребить его не в литературном смысле, – миролюбиво сказала Тамара.

– Ладно, забудем, – Андрей поцеловал мать, собрал таблетки. – Если ты не против, то я всю эту гадость выброшу в ведро. Тогда у тебя больше не будет возможности совершать глупости.

– Да, да, сынок, – согласилась Тамара. – Выброси поскорее все. Прости, что я совсем ни о ком не подумала. Я не подумала, что мой поступок убьет...

– Ладно, мам, не кори себя, – остановил ее Андрей. – Знай, что ты мне нужна. Я тебя очень люблю и всегда буду защищать.

Тамара улыбнулась и, закутавшись в плед, подумала, что чуть не проговорила о своей беременности. Сейчас был совсем неподходящий момент для такого разговора. Тамара решила, что обо всем расскажет позже. Ах, если бы она знала тогда, что Андрей исчезнет, пропадет, растворится в вечности. При мысли о сыне у нее больно сжалось все внутри.

Тамара вытерла рот салфеткой и посмотрела на Матрену, которая о чем-то беседовала с малышкой. Даша что-то ей отвечала, гукая на своем детском наречии. Тамаре стало страшно оттого, что она могла убить свою дочь, что она, вообще, посмела вести себя так глупо, пытаясь, убив себя, кому-то что-то доказать. Кому? Тамара застонала. Матрена повернулась к ней и приказала:

– Хватит рассиживаться за столом, корми ребенка скорее.

Тамара быстро поднялась и с необыкновенной нежностью прижала малышку к груди. Даша цепко ухватила сосок, и начала, причмокивая, сосать теплое молоко.

– Дашенька, Дарена моя... Ты самой счастливой будешь... Самой любимой... Солнышко мое... – шептала Тамара, наблюдая за малышкой.

— 8 —

– Ну что, поели, теперь можно и вздремнуть минут шестьсот, – потягиваясь, проговорил Андрей.

– Со сном пока повременим, – улыбнулся Саша. – Надо понять, где мы находимся. Меня просто распирает желание узнать, что это за горы.

– Братцы, а вдруг мы попали в параллельный мир? – предположил Егор.

– Ну, начинается новая сказка, – разозлился Андрей. – Я был сытым и довольным, а ты... – он махнул рукой на Егора.

– Андрюха, не сердись, я просто предположил, что мы могли попасть во временной провал, – миролюбиво продолжил Егор. – Часы же до сих пор стоят. Время остановилось, значит, мы можем быть в параллельном мире...

– Где на каждом шагу нас могут подстергать монстры с горящими глазами и длинными предлинными руками, – изменив голос, заговорил Андрей, изображая при этом, какими должны быть эти самые монстры.

Он вытаращил глаза, растопырил пальцы и стал наступать на Егора, который, включившись в игру, присел на корточки, прикрыв голову руками. Саша от души расхохотался.

– Ах, простите, я, кажется, помешала вам, – раздался нежный голосок.

Ребята обернулись и увидели очаровательное создание с букетом васильков. Девушка склонила голову и сказала:

– Здравствуйте! Простите, что опоздала.

– Вы, должно быть, фея? – глупо улыбаясь, спросил Егор.

– Нет, я – Полина, – улыбнулась она, протягивая Егору букет васильков.

– Спасибо! – он поклонился. – Ой, какое же вам огромное спасибо, Поляночка! Эти цветы, вероятно, со сказочной поляны?

Егор задержал руку девушки в своих руках, посмотрел ей в глаза. Глаза у Полины были небесно-голубыми. Егору даже показалось, что он смотрит в небо и видит, как по нему медленно плывут причудливые облака. На белых щеках девушки вспыхнул бледно-розовый румянец. Егору почудилось, что он видит два нежных персика, которые так и просятся в рот. Он не сдержался и коснулся персиковой щеки губами.

– Это вы напрасно, – испуганно проговорили алые губки, обнажая ровный ряд белых зубов.

Полина вырвала свою руку из рук Егора и, приподняв подол длинного льняного платья, убежала куда-то так стремительно, что ребята даже не поняли, куда.

– «Ваш милый рот – сплошное целованье», – пропел Егор, глядя ей вслед. – Полина! Васильково – пшеничное поле. Васильки – глаза, волосы, перехваченные голубой лентой – золотая пшеница и маки – алый маковый рот, который весь сплошное...

– Целованье, – хором продолжили ребята, заставив Егора опомниться.

– Во дает наш тихоня, – расхохотался Андрей. – Ах, ох, вы так на поле похожи. Да и имечко у вас подходящее – Полюшка – Поля. Пойдите, куда же вы, я вам тут стишки готов насочинять. Каламбурчик могу приготовить, чтобы вы не заскучали, Поляночка...

– Ладно тебе, Андрюха, – смутившись, проговорил Егор.

– Я от тебя такой прыти не ожидал, Егорыч, – хлопнул его по плечу Саша. – Мне казалось, что ты девчонок боишься, а ты хлоп, и поцелуй прилюдный. Я бы на такое не решился сразу с незнакомой барышней. Значит, даром говорят, что в тихом омуте...

– Да, здорово ты прикидывался скромником, братец. Я даже тебя зауважал еще сильнее, после сегодняшнего поступка, – сказал Андрей, хлопнув Егора по другому плечу.

– Ребят, будет вам, – Егор попытался защититься от нападок друзей. – На меня нашло что-то. Мне показалось, что у нее не щеки, а персики. Ну, я и...

– Захотел их съесть, превратившись в монстра, – проговорил Андрей. И пошел на Егора со словами:

– Я съем тебя, съем, мой нежный персик! Я проглочу тебя со всеми твоими нежными косточками.

– Андрюшка, ну хорош дурить, – отмахнулся от него Егор.

Но Андрей не унимался. Он щелкал зубами, улюлюкал и корчил гримасы. Саша от смеха уже не мог стоять на ногах. Он схватился за живот и присел на корточки.

– Здравствуйте!

– Добрый день!

Точно колокольчики прозвенели два нежных голоса. Ребята замерли. На деревянном причале стояли две милые барышни, одетые точно в такие же, как и Полина, длинные льняные платья. На щеках проступал персиковый румянец. Алые губки были крепко сжаты. Девушки были очень похожи и в то же самое время были абсолютно разными. У одной – огненно-рыжие волосы туго перехвачены красной лентой. А в зеленых глазах отражается таежная ширь. В руках она держит букет огромных алых маков. У другой – по плечам рассыпались черные смоляные кудряшки. Черные глаза такие темные, как беззвездная ночь. В руках у нее букет ромашек. А белая лента, которая до того сдерживала поток кудрей, змейкой скользнула на причал. Девушка ойкнула и присела, чтобы поднять ленту, да так и замерла, увидев прямо перед собой восторженные Сашины глаза.

– Вот ваша беглянка, – протянув ей ленту, проговорил Саша.

– Спасибо, – бархатным голосочком проговорила девушка и обменяла ленту на ромашковый букет. – Я Екатерина.

– Спасибо, Катенька, – принимая цветы, ответил Саша. Когда он тронул Катю за руку, прямо над их головами ярко сверкнула молния.

Саша порывисто прижал руку девушки к своим губам.

– Ах, полноте, – вспыхнула она и, вырвав руку, убежала так же быстро, как до этого Полина.

Саша остался сидеть на корточках с букетом ромашек в руках.

– Позвольте представиться, Андрей, князь Андрей, – щелкнув каблуками, проговорил Андрей.

– Лизаветка, ой, Елизавета, – выпрямив гордо спину, представилась рыжеволосая красавица.

– Я счастлив. Позвольте представить вам моих друзей, – Андрей пытался вести себя так, будто он и правда был князем. – В присутствии дамы у нас может сидеть только Александр. А глупая улыбка говорит о том, что он к тому же еще и болван.

– Болван Александр – редкое имя, – грациозно склонив голову на бок, проговорила девушка. – А я – Елизавета!

– А это монстр – Егорка. Он считает, что барышни – это персики и их непременно надо кушать, – ткнув Егора в плечо, сказал Андрей.

– Мило, – хмыкнула Лиза, дав понять, что ей такое поведение крайне неприятно. – Проводите меня, князь. Мне пора.

– Я весь ваш! – с готовностью отозвался Андрей, подставив ей свою руку.

Ребята молча следили, как Андрей с Лизой дошли до конца причала, как она передала ему букет маков и, повернувшись, сделала несколько шагов. Вдруг, что-то вспомнив, развернулась, подбежала к Андрею, поцеловала его в лоб и исчезла.

Саша и Егор дружно рассмеялись, глядя на Андрея, который шел по деревянным мосткам с очень серьезным видом. Но чем ближе он подходил к ребятам, тем веселее ему становилось от их звонкого смеха.

– Ну что, князь Андрей, заполучил печать на лоб? «На лбу твоём её помада, как всепрощения печать!» – хохотал Саша.

– А тебя зато красотка назвала Болван – Александр, – высунул язык Андрей.

– Это все с твоей подачи, – тоже высунул язык Саша. – И Егора монстром тоже ты назвал.

– Ладно, я его прощаю, – дружелюбно проговорил Егор. – Ведь, если я монстр, то нашим барышням бояться совершенно нечего.

– Чего, чего, чего... – на разные голоса отозвалось эхо. Ребята разом умолкли, вспомнив все, что с ними произошло.

– Так, шутки в сторону, – строго произнес Саша. – Мы должны поднять байдарку, чтобы...

Он не договорил, потому что никакой байдарки уже не было. А Шальная река превратилась в море, огромное бушующее море, упирающееся своими волнами в горизонт.

– Мистика! – выдохнул Егор.

– Пока нас барышни отвлекали, кто-то здесь быстренько все переделал, как в театре: бац – смена декораций, – выпалил Андрей, разводя руками.

– Да, красавицы нас здорово из равновесия вывели... Мы головы потеряли и попались, как кур в ошип, – подвел итог Саша.

– Кто-то упорно не хочет нас отпускать отсюда. Но, кто? – задумчиво произнес Егор.

– А, может, мы все-таки на берег двинемся, что здесь на пирсе торчать? – предложил Андрей. – Байдарка тью-тью, провизия тью-тью, нас здесь ничто больше не держит. Пойдем на землю, и там будем пытаться разгадывать загадки.

– Пойдем, – сказал Саша и добавил. – Не нравится мне все это. Ой, как не нравится.

Он присел на корточки и опустил букет в воду. Вода забурлила, запенилась, образовав радужный круг, в котором отразилось бледное кукольное личико черноволосой Екатерины.

– Ого! – свистнул Андрей и бросил в воду свой букет. В белой пене сверкнули огненно-рыжие волосы Елизаветы.

– Прощайте, Полиночка, – пропел Егор, бросая в воду васильки.

Вода запенилась, забурлила, принимая этот подарок. Но вместо кукольного личика девушки перед друзьями раскинулось васильково – пшеничное поле с островками ромашек и маков, упирающееся в горизонт.

– Мистика! – в голос выдохнули друзья.

Егор хотел сделать шаг вперед, но Саша, резко дернув его, крикнул:

– Стоять, Егорыч! Не смей туда наступать. Мы же не знаем, что там на самом деле: вода или земля. Будем двигаться вперед по пирсу.

– Точно, – согласился Егор, хмуря брови. – Спасибо, Саня. На меня опять какое-то помутнение нашло.

– Смотрите! – прошептал Андрей.

На горизонте появились сине – черные волны. Они наступали с невероятной стремительностью, уничтожая все на своем пути. Казалось, что гигантский ластик стирает надоевшую картину, чтобы тут же нарисовать новую.

– Бежим на берег, быстрее! – закричал Саша. Ребята рванули вперед...

— 9 —

Лето было на исходе. Мила и Игорь каждое утро разглядывали противоположный берег реки в бинокль, но никаких сюрпризов больше не было. Горы больше не появлялись.

Исаковы начали свыкаться с тем, что остались вчетвером. Правда, в комнате, где жили Саша и Игорь, все еще царило напряженное предчувствие того, что вот сейчас скрипнут половицы под ногами вернувшегося Саши.

О летающих тарелках Игорь больше с Милой не заговаривал. Он знал, что сестра слов на ветер не бросает. А ссориться с ней Игорю совсем не хотелось.

Светлана стала более замкнутой. Она чаще обыкновенного заглядывала в почтовый ящик и сокрушено вздыхала, сетуя на плохую работу почты. Валерий старался внушить жене, что надо смириться с утратой, потому что своими переживаниями они все равно ничего изменить не смогут. Светлана соглашалась с доводами мужа. Казалось, что жизнь наладилась. Но...

В конце августа произошло странное событие, которое внесло сумятицу в семью Исаковых.

Был обычный летний вечер. Солнышко медленно опускалось за горизонт, золотя кроны деревьев. Когда оно почти коснулось земли, разлив последние желто-розовые краски, на востоке заалел горизонт. Огромный огненно-красный диск, поднявшись, осветил небо. Два светила, излучающие огненно-красное сияние на востоке и желто-розовое на западе, находились друг против друга несколько минут. Вода в реке замерла, точно реку сковало льдом. На этой ледяной поверхности отразился лес, окрашенный красками заката и восхода одновременно.

– Игорь неси скорее фотоаппарат, сделай несколько снимков, – крикнул Валерий.

– Красота какая! – выдохнула Мила.

– Наверное, это северное сияние, – предположила Светлана.

– Науке еще предстоит разобраться в подобном явлении, – обняв жену, сказал Валерий. – А для нас это, по-моему, добрый знак.

– Возможно, – неуверенно согласилась она.

Когда Игорь проявил пленку, то с радостью обнаружил, что все кадры получились. Они с Милой закрылись в кладовке, чтобы напечатать фотографии. Эту фотолабораторию устроил Саша. Он делал здесь разнообразные фотографии, от совсем малюсеньких до больших плакатов. Отец всячески поддерживал увлечение сына, не жалея денег на самую современную аппаратуру. Саша любил проявлять снимки. Звал брата и сестру поучаствовать в этом таинстве. Просил угадать, что сейчас получится на фотобумаге. Радовался, когда Мила или Игорь угадывали.

И сейчас, наблюдая за появляющимися изображениями, Мила прошептала:

– Игорек, мне кажется, я знаю, что именно мы сейчас увидим. Но меня очень пугает...

– Не бойся, Милка, я и сам боюсь, – отозвался Игорь, еще ниже склоняясь над ванночкой с проявителем.

– Мамачки! – вскрикнула Мила, когда изображение проявилось полностью.

– Тише, тише, погоди кричать. Сейчас закрепим и рассмотрим все внимательно при более ярком свете, – осадил ее Игорь.

На снимке вместо двух светил, находящихся друг против друга над лесом, ребята увидели два профиля. Один профиль принадлежал Саше. Он с восторгом смотрел на девушку, которая находилась напротив него. Кто она такая, ни Мила, ни Игорь не знали.

– Посмотри, какие у нее смоляные волосы, – прошептала Мила.

– А ты на губы взгляни! – тоже шепотом проговорил Игорь. Они, казалось, боялись говорить в голос, чтобы их никто не услышал.

– Алые какие! – подтвердила Мила. – А Санечка так глупо улыбается...

– Да, очень у него глупое лицо. Он всегда другим был. Здесь вроде бы и не он, – задумчиво произнес Игорь.

– Это он нам весточку о себе подал! – обрадовалась Мила.

– Почему таким образом? – задал прямой вопрос Игорь. Мила пожала плечами. – А, может, весточку нам не он передает? А вдруг это – не весточка, а что-то другое? Может... – рассуждая так, Игорь взял другую фотографию. – Милка, а это уже не Саня!

Мила выхватила из рук брата фотографию, на которой был профиль Андрея напротив рыжеволосой девушки с белым лицом и алыми губами.

– Волосы у нее – огонь, – прошептал Игорь и поежился. – Даже дух захватило, как хороша.

– Нет, она не красивая, она злая, – фыркнула Милка. – Ты посмотри, какой у нее взгляд злой. Мне она совсем не кажется симпатичной.

– Возможно, ты права, – смутился Игорь. – «Зорким должно быть сердце. Главного глазами не увидишь!» Экзюпери сказал. Мы смотрим глазами, а вы...

– Смотри, Егорка! – перебила Мила. – Интересно, это все в тот же день происходило, или опять стоп-кадр сработал?

– Трудно сказать. Слишком много загадок, которые мы пока не в силах разгадать.

– Игорек, а вот эта девушка очень милая, – улыбнулась Мила, протягивая брату влажный снимок. – Посмотри, как она на Егора смотрит!

– А у меня такое чувство, что я ее где-то видел. Хотя вряд ли. Скорее всего, она на кого-то похожа, – задумчиво отозвался Игорь, рассматривая снимок.

– Может быть, – подтвердила Мила.

– Дети, вы там не заснули? – раздался за дверью голос Валерия.

Он несколько раз настойчиво постучал в дверь. Мила с Игорем переглянулись и, одновременно потянувшись к замку, рассмеялись.

– Что вас так развеселило? – поинтересовался Валерий. – Показывайте скорее наши два светила.

– Вот, только не пугайся, – предупредил Игорь, протягивая снимки.

– Запороли? – сдвинул брови Валерий. Игорь покачал головой. Валерий взглянул на первый снимок и свистнул. – Ого! Откуда на небе наш Саня? Ба, да тут еще и мадам напротив. Кармен! Ей еще розу в волосы, тогда, вылитая Кармен будет. Хороший вы коллаж сделали...

– Пап, да ты что? – возмутились дети. – Зачем нам это надо. Да из чего мы коллаж сделали бы, ты посмотри вокруг.

– Правда, не из чего, – смутился Валерий. – Значит, вы утверждаете, что такие снимки получились с пленки, которую отснял Игорь на реке?

– Именно, – хором ответили Мила и Игорь. – А вот посмотри еще Егор и Андрей.

Валерий внимательно рассматривал фотографии и мрачнел. Потом попросил негативы и сам напечатал несколько фотографий. На снимках появились лица.

– Убедился, Фома неверующий? – спросила Мила.

– Да, дочка, – задумчиво проговорил Валерий. – Как же это все получилось?

– Мы тоже не знаем, – тихо сказала Мила. – Летом горы были. Сейчас лица...

– Игорек, а ты тоже горы видел? – поинтересовался Валерий. Игорь кивнул. – А, почему молчали?

– Ты бы нам не поверил, – ответил Игорь. – Ты бы сказал, что у нас массовый психоз. А я вот предполагаю, что это вовсе не психоз, а нападение инопланетян. Они нас зомбируют...

– Игорь, опять ты за свое? – возмутилась Мила. – Мы же чуть не поругались из-за этого...

– погоди, – остановил ее Валерий. – Пусть Игорь свое мнение выскажет. Нельзя так сразу с кулаками налетать. Надо уметь слушать. Говори, сынок.

– У меня много предположений. Надо обсудить все, а ненужные версии потом отбросить. Мне нужны союзники, а не критики...

– Эй, вы там живы еще? – крикнула Светлана.

– Мама! – испуганно выдохнула Мила и опустилась на стул. – Что делать будем?

– Я думаю, – кашлянув, проговорил Валерий, – что нам не справиться с бременем лжи. Поэтому надо все рассказать маме.

Светлана долго и внимательно рассматривала снимки. А потом вдруг медленно начала сползать на пол, закатив глаза.

– О, так дело не пойдет, – подхватив ее под руки, сказал Валерий. – Дай-ка мне, Игорек, несколько снимков, и мы на воздух выйдем. Душно здесь.

На улице Светлане стало легче. Она взяла из рук мужа фотографии и близко поднесла к лицу.

– Это – не монтаж? – спросила она через некоторое время.

– Нет, я проверил сам, – ответил Валерий.

– Лерыч, это знак. Это долгожданная весточка! – обрадовалась Светлана. – Санечка жив, здоров и влюблен! Девушка симпатичная. Скоро внуки пойдут...

– Светка, ты о чем? – испугался за жену Валерий.

– О внуках, – улыбаясь, проговорила она. – Они же поженятся скоро, а там... Думаешь, не скоро? – поймав недоуменный взгляд мужа, спросила Светлана.

– Горе ты мое! – обняв жену, воскликнул Валерий. – Поживем, увидим, ладно?

– Ладно, – согласилась она, прижимая к груди снимок...

— 10 —

Зинка внимательно смотрела на застывшего солнечного зайчика. А он, казалось, следил за ней, двигалась Зинка, двигался зайчик. Замирала Зинка, замирал зайчик.

— Зина, долго ты еще возиться будешь? — крикнула Римма.

— Иду, — отозвалась Зинка и, показав зайчику язык, выбежала из комнаты.

Римма крепко сжала руку дочери и потянула ее к двери. Но возле входной двери они обе остановились, увидев солнечного зайчика, который скакал вверх, вниз. Зайчик существовал сам по себе. Он, казалось, хотел что-то сообщить, предупредить, задержать.

— Фантастика! — проговорила Римма. — Откуда он взялся? Он здесь уже давно. Пока мы с тобой разговаривали, он тут скакал. Я и внимания не обратила сразу, что на улице солнца нет.

— Он и за мной следил, пока я переодевалась, — сказала Зинка. — Мам, а, может, он нас выпускать не хочет?

— Ерунда, — нахмурилась Римма. — Пойдем.

— Иду, — грустно ответила Зинка, потому что ей совсем не хотелось никуда идти, а тем более к этой колдунье.

От мыслей о Матрене у Зинки неприятно защекотало в носу, а по спине пробежали громадные мурашки. Зинка передернула плечами, но это не помогло. Холодок стал еще сильнее. Чем ближе она подходила к входной двери, тем неприятнее становились ощущения. Поэтому, когда раздался звонок в дверь, Зинка облегченно выдохнула.

На пороге стояла бабушка Лидия Михайловна, которую все должны были звать на Вы. Поцеловав бабушку, Зинка побежала на кухню ставить чайник. Ей всегда хотелось нагрубить бабушке, рассказать все про отца-алкоголика, но было нельзя. Это было не принято в их доме. Им всем было велено изображать любовь и уважение к старшим, то есть к дорогой бабушке, которая свято верила в то, что она идеальная мать идеального сына. Поэтому, когда она приходила, все становились ужасно лицемерными. Зинка еле сдерживала себя, потому что было невыносимо противно изображать любовь и уважение на пустом месте. Спасало только то, что бабушка приходила раз в месяц, чтобы получить подарки, дать полезные и очень важные советы, и как бы между прочим, узнать, как поживают внуки. Зинке казалось, что отец с бабушкой специально договариваются о днях визита, потому что именно в такие дни отец бывал трезвым. Он приходил с работы непременно с букетом цветов для Лидии Михайловны. Став старше, Зинка поняла, что бабушка приходит в один и тот же день, в день зарплаты отца. В другие дни семейство сына ее просто не интересуется. Лидия Михайловна видит и слышит только то, что хочет видеть и слышать, совершенно игнорируя все остальное.

— Егорка гулять побежал? — спросила Лидия Михайловна, устраиваясь на своем любимом месте.

— Что-о-о? — задохнулась Римма.

— Не делай вид, что ты оглохла, — поправляя прическу, сказала Лидия Михайловна. Она всегда говорила очень быстро, чтобы никто не мог опомниться и попытаться перебить ее. — Ты только и ждешь случая, чтобы досадить мне, чтобы обидеть меня. Ты от этого удовольствие получаешь, наверное? Ты, Римма, очень некультурная женщина. Бедный Сергей, как он только тебя терпит? Как он столько лет с тобой живет? Как он мучается, бедный мальчик...

— Бабушка, да замолчи ты! Замолчи и не смей плохо говорить про маму, — заорала Зинка, стукнув кулаком по столу.

– Что? – Лидия Михайловна поднялась в полный рост. – Орать на бабушку? Вот, вот оно твоё воспитание. – Она ткнула скрюченным пальцем в Римму. – Да ты вырастила ни детей, а моральных уродов! Сегодня она смеет разевать рот на мать своего отца, а завтра...

– Хватит выступать, – тихо, но очень зло сказала Римма.

Свекровь плюхнулась обратно на своё место и вытаращила глаза. Тихая, забитая Римма, которая всегда сидела, опустив голову вниз, и молчала, посмела высказаться.

– У меня нет слов, – запыхтела Лидия Михайловна. – Заговор. Это заговор против меня. Да вы хоть понимаете, на кого вы, как две собаки, набросились? Я – Идеальная...

– Бабушка, – Зинка тряслась от злости. – Ты что, живёшь в другом мире? Егор пропал на реке. Его спасатели искали целых десять дней. Весь город на ушах стоял. И не только город, весь район. А ты ничего не знаешь?

– Нет, – честно созналась свекровь. – Я ничего не знала. – И тут же набросилась с упреками. – Ах вы, негодяйки. Вы, вы даже не удосужились сообщить мне, матери главы семейства. Как вы посмели? Вы мне первой должны были...

– О, я больше не могу это терпеть, – в Зинкиных глазах загорелись злые огоньки. – Ты даже не можешь понять, что нам было не до чего...

– Чем же вы занимались таким важным? – ехидно спросила Лидия Михайловна, сделав гримасу.

– Пили водку и с мужиками развлекались, – развязно ответила Зинка.

– Как? Как ты сказала? – взвизгнула Лидия Михайловна.

– Не задавай глупых вопросов, – поправляя волосы, как это обычно делала бабушка, проговорила Зинка. – Ты что не знаешь, как с мужиками развлекаются? Не знаешь или забыла? Ты к нам почаще приходи, мы тебя научим.

– Римма, скажи этой, чтобы замолчала. Она меня в гроб сведет. Она смерти моей хочет. Сколько мне той жизни осталось? – заплакала свекровь.

– Меня зовут Зинаида, а не Эта! – грозно выкрикнула Зинка. – Я – Зинаида, поняла! Я уже достаточно взрослая, чтобы отвечать за свои поступки и слова. А ты, бабушка, – Зинка ткнула в неё пальцем. – Ты – жестокая, злая эгоистка. Тебе плевать на всех нас. Тебя никто и ничто не интересует, кроме собственной персоны. И отец наш такой же эгоист, потому что его вырастила ты, такая идеальная мамаша...

– Что за крик в моем доме? – весело спросил вошедший Сергей. – Ах, матушка! Позвольте Вашу ручку поцеловать. Как я рад, что Вы нас навестили! – с этими словами он склонился к руке матери, а она потрепала его по волосам, улыбнулась. Пришел защитник. Теперь силы равны: двое надвое. Хотя Римму можно в счет не принимать, она в присутствии мужа не посмеет рот открыть. Сергею достаточно только глянуть на жену, и она превращается в тихую овечку. Лидия Михайловна простонала:

– Сереженька, ах как вы меня огорчили! Вы мне про Егорку ничегошеньки не сказали. Как же так, а? – она поджала губки и прижала платочек к глазам.

– Матушка, мы Вас не хотели беспокоить, – попытался оправдываться Сергей. – Мы надеялись, что все будет хорошо. У вас сердце, давление, артрит, мы не посмели Вас беспокоить такими печальными известиями?

– Ах, сынок, только ты меня понимаешь, только ты, – хлюпая носом, проговорила Лидия Михайловна. – Я самая счастливая мать. Таких, как ты, еще поискать надо! Золото, просто золото самой высшей пробы. Вот, Римма, как тебе повезло! – Лидия Михайловна села на своего любимого конька, забыв, что надо изображать расстройство. – Кланяйся мне до земли, неблагодарная сноха! Ну!

Римма равнодушно посмотрела на свекровь, на мужа, на Зинку и отвернулась к двери, по которой скакал вверх, вниз солнечный зайчик. Зинка не выдержала и закричала во все горло:

– Лицемеры! Вы оба мерзкие лицемеры. Вы же ненавидите друг друга. У вас на лбу у каждого написано, что именно вы хотите.... – Сергей и Лидия Михайловна приложили руки ко лбам, изображая недоумение. А Зинка, расхохотавшись, продолжила. – Отец хочет побыстрее выпить водки, которая у него спрятана в унитазном бачке. А дорогая бабуля пришла за подарками и деньгами, который ей сыночек уже приготовил. Отслюнявил от своей зарплаты...

– Как? – испуганно вскрикнула Лидия Михайловна. – Про какую водку в унитазном бачке она тут бормочет? Она хочет меня убить. Она клеветница. А, она посягает на мою квартиру...

– Караул! – завизжала Зинка. – Помогите, бабу Лиду грабит внучка Зинаида! Ату ее, ату! – Зинка бегала по комнатам и кричала. Потом она подбежала к туалету, постучала несколько раз и, выкрикнув: «Абракадабра», вытащила из бачка мокрую бутылку водки. – На пей, алкаш несчастный. У тебя же после вчерашнего пожар в трубах, небось. А шишки на голове нет? Жаль. Жаль, что мама тебя полотенцем лупила, а не сковородой...

– Зинаида, я ведь и нашла могу, – беззлобно погрозил ей пальцем Сергей. Он действительно хотел выпить, но забыл, куда спрятал бутылку. Зинаида нашла спасительную жидкость. Поэтому сердиться на нее было не за что. Просто надо было как-то отреагировать, чтобы не огорчать маму. Он и отреагировал.

– Зин, а зайчик исчез, – тихо проговорила Римма. Во время разговора она стояла у стены и смотрела в одну точку. Она, казалось, была занята своими мыслями. – Пойдем, а?

– Не пойдем, а побежим, – с готовностью согласилась Зинка. – Убежим из этого серпентария. Пусть они жалют друг друга. Ведь без зрителей они станут собой. Они...

Римма схватила Зинку за руку и потянула к двери. Они быстро спустились по ступеням и побежали прочь.

– Что скажешь, сынок, в свое оправдание? – грозно спросила Лидия Михайловна, когда шаги стихли.

– Мам, отстань, не пили, у меня трубы горят, – пробубнил Сергей, открывая бутылку водки. Он запрокинул голову и стал пить прямо из горлышка.

– Сергей, как ты смеешь! – заголосила Лидия Михайловна. – Я предупреждала тебя, что ты можешь пить с первого по двадцатое. Но двадцать первого ты должен быть идеальным сыном идеальной матери!

Сергей никак не реагировал на ее крик, а продолжал жадно глотать водку.

– Прекрати сейчас же! Я приказываю тебе! Я твоя мать! – кричала Лидия Михайловна.

– Я плевал на твои приказы, – вытерев губы, проговорил Сергей. – За деньгами пришла? Вот тебе они, а еще торт и цветочки. Все, как учила. Можешь всем рассказать сказку про идеального, золотого сынка. Иди к соседкам, а мне кайфа не ломай, не видишь, я выпиваю! – Сергей снова запрокинул голову и стал жадно пить водку.

Лидия Михайловна легко, по-молодецки вскочила, забрала все, что ей причиталось, и выбежала из квартиры со словами:

– Даже чаем не напоили. Вот так приветили мать. Я к вам больше ни ногой. И не уговаривайте.

– Куда ты денешься? – крикнул ей в спину Сергей. – В следующем месяце сама прибежишь без приглашения.

Лидия Михайловна взбила руками волосы, расправила плечи и зашагала по тротуару с гордо поднятой головой...

— 11 —

Тамара была счастлива в доме Матрены. Она попала в необыкновенный мир доброты, любви, тепла и света. Все плохое не проникало сюда, в эту обитель покоя и счастья, где на окнах висели кружевные белые занавесочки, где всегда пахло пирогами, малиной и медом... А, еще здесь чудесно пахло маленьким ребенком, который был любим и нужен всем вокруг. В душе Тамары уже не было боли, обиды, отчаяния. Их место заняла тихая радость, подарив успокоение, которого не было прежде. Вечерами Тамара подолгу беседовала с Матреной Власьевной, которая была на редкость умным, всезнающим собеседником. Она внимательно слушала, а потом давала нужный совет.

Все в доме Матрены появлялось само собой. Тамару это удивляло, и однажды она попросила Матрену рассказать о волшебстве, происходящем в доме. Та рассердилась, воткнула руки в боки и сказала раздраженно:

– Не велено тебе знать, что, почему да как! Не велено-с!

Больше Тамара вопросов не задавала, боясь огорчить хозяйку и потерять свое временное убежище. Ей совсем не хотелось возвращаться в реальный мир с его заботами. Хотя она прекрасно понимала, что вернуться туда, где ей было так плохо и одиноко, придется. И все ей придется делать самой, оставшись один на один со своими проблемами, которые непременно обрушатся на нее, как только она покинет дом Матрены Власьевны.

Однажды утром Тамара проснулась от какого-то недоброго предчувствия. А когда открыла глаза, то прямо перед собой увидела серьезное лицо Матрены.

– Уже? – испуганно заморгав, спросила Тамара.

– Сегодня, – ответила Матрена и отошла к окну.

Тамара поднялась, тщательно заправила кровать, разгладив все складочки на небесно-голубом покрывале. Долго, долго умывалась, забавляясь с фонтанчиком. Аккуратно собрала волосы, заколов их на затылке.

– Чай пей, – велела Матрена, поторопив ее. Тамара взяла в руки чашку из тончайшего фарфора, сделала несколько глотков и заплакала.

– Это ни к чему, – грозно сказала Матрена. – Мне здесь сырость разводить не надо.

– Дорогая моя, Матрена Власьевна, что же я делать-то буду? – пытаюсь сдержать слезы, спросила Тамара.

– Жить! – просто ответила Матрена, погладив Тамару по голове. – Будешь жить и Дарьюшку воспитывать.

– Может, вы мне... Может вы со мной... или я с вами, – совсем запуталась от волнения Тамара.

– Тише, тише, успокойся. Все должно быть так, как должно. Тебе с людьми жить, а я здесь одна останусь.

– Можно мы к вам в гости приходить будем? – с надеждой в голосе спросила Тамара.

– Нет! Нельзя! – отрезала Матрена. – Без особой нужды ко мне не смей ходить.

– Да, да, – закивала головой Тамара. – Я все сделаю, как вам будет угодно. Не сердитесь на меня.

– Вот и молодец, – смягчилась Матрена. – Главное, ничего не бойся. Дари любовь. Помни, чем больше мы злимся и раздражаемся, тем меньше радости и любви остается нам, тем короче становится наша жизнь. Научись упражняться в радости.

– Как это? – удивилась Тамара.

– Радуйся всему, зная, что всё в этой жизни и хорошее, и плохое дается нам не случайно, – пояснила Матрена.

– Да, да, – Тамара улыбнулась, думая о том, как ей сейчас тяжело и совсем не радостно.

– И ещё, – Матрена нагнулась и зашептала Тамаре на ухо, словно боялась, что их кто-то услышит. – Из дома выйдешь, иди направо. У большого кедра, что возле дороги остановись и из-под левой пятки возьми пучок травы. Спрячь его на груди. Дома траву под матрац положи со словами «как сия трава будет сохнуть во веки веков, так сохни боль моя кручина». Запомнила?

Тамара испуганно кивнула.

Матрена поцеловала маленькую Дашу. Трижды расцеловала Тамару и, проводив до двери, тихо сказала:

– Будь счастлива. Выше нос, девочка! Иди и не оглядывайся. Прощай.

– Спасибо вам за все, – Тамара низко поклонилась Матрене. – Я всегда буду помнить, как мне было хорошо здесь, как я была счастлива подле вас. Сама я бы ни за что не пережила исчезновение Андрея... Вы – мой ангел хранитель!

– Будет, – сердито проговорила Матрена. – Прощай!

Она повернулась и закрыла за собой дверь. Тамара глубоко вздохнула, прижала к груди Дашу и быстро пошла вперед. Она остановилась у большого кедра, оглянулась по сторонам, вырвала клочок травы из-под левой пятки, сунула за пазуху и побежала домой. Сердце так бешено колотилось, что даже Даша закапризничала, почувствовав что-то неладное.

– Тише, тише, сокровище мое, – зашептала Тамара.

Даша притихла. Тамара никого не встретила на своем пути. Ее это обрадовало, потому что она с большим трудом представляла, как будет объяснять соседям, откуда у нее ребенок, да еще в таком небесно-голубом одеялке.

Тамара закрыла за собой дверь и облегченно вздохнула.

– Вот мы и дома, Дашенька, девочка моя дареная, подаренная вместо пропавшего Андрея.

Тамара достала траву и, сунув ее под матрац, несколько раз повторила заклинание.

– 12 –

- Бежим быстрее к горам, – кричал Саша на бегу. – Егорыч, не отставай.
- Сюда, сюда! – позвала их Елизавета, метнувшись рыжеволосой лисицей в сторону.
- Скорее идите сюда! – крикнула золотоволосая Полина.
- Быстрее! – властно приказала черноволосая Екатерина.

Ребятам некогда было раздумывать. Они поспешили на зов трех красавиц и очутились в нише, выдолбленной в горе. Только они успели заскочить в спасительную нишу, как волны огромной высоты скрыли все пространство, по которому они только что бежали. Вода бурлила у самых ног ребят, но внутрь не проникала, точно существовала какая-то невидимая преграда.

– «Вода, вода, кругом вода», – пропел Андрей. А потом грустно спросил. – Что нам с этой водой делать? Мы же отрезаны полностью от мира...

– Надо подождать, – где-то зазвенел колокольчиком нежный голос.

– Чего ждать? – крикнул Андрей, подняв голову вверх.

– У моря погоды, – усмехнулся Егор.

– Пока сойдет вода, – нежно ответил колокольчик.

– А что потом? – не унимался Андрей.

– Суп с котом, – буркнул Егор.

– Увидите, те, те, те... – рассмеялось эхо.

– Смотрите! – крикнул Саша. Прямо перед ними появилась разноцветная радужная дорожка, будто кто-то расстелил по земле радугу.

Радужная дорожка была собрана из прозрачных бусинок одинакового размера. А в самом центре на радужной дорожке стояли рыжеволосая Елизавета, черноволосая Екатерина и золотоволосая Полина. Они весело смеялись, а эхо, подхватив этот смех, разносило его по всей округе.

– Идите сюда! – позвали красавицы.

– Те... те... те...

– Да... да... да... – отозвалось эхо.

– Попробуйте догнать! – крикнула Елизавета.

– Те... те... те...

– Ать... ать... ать...

– А, может, вы боитесь? – засмеялась Полина.

– Вы... вы... вы...

– Эсь... эсь... эсь...

– Вот, беда! – пропела Екатерина.

– Да... да... да...

– Нет! – грозно крикнул Андрей. – Мы не боимся. Мы ждем, когда сойдет вода!

– Да? Да? Да? – удивилось эхо.

– Да! Да! Да! – подтвердил Андрей. – Идите лучше вы сюда. Или боитесь?

Эхо не отозвалось. А девушки переглянулись и побежали прочь, приподняв длинные юбки. Ребята увидели, как засверкали босые розовые пяточки, быстро опускаясь на радужную дорожку. Бусинки радуги звенели каким-то хрустальным звоном. Саша присел на корточки и тронул радугу. Бусинки тут же превратились в обычную воду, которая вытекла сквозь пальцы. Радуга исчезла.

– Вот и поиграли в догонялки, – задумчиво проговорил Саша.

– Меня все это достало, – стукнув кулаком в земляную стену, крикнул Андрей.

– Андрюха, нас тоже это положение не радует, но где выход? – попытался успокоить его Егор.

– Вот же он! – радостно закричал Саша, поднимаясь с колен. Прямо позади ребят был широкий проем между горами. Но они так были увлечены нашествием океана, что не смотрели по сторонам.

– Мистика! – обрадовался Егор.

– А меня от этих мистических превращений уже тошнит, если честно. Буэ, – схватившись за живот, проговорил Андрей.

– Потом будешь паясничать, – одернул его Саша. – Вперед к новым приключениям!

– Может, еще песню отрядную предложишь запеть? – съязвил Андрей.

– Топай без песен, – подтолкнул его Саша.

Когда коридор между горами закончился, ребята очутились на залитой солнцем поляне.

– Смотрите, земляника! – радостно крикнул Егор и присел в траву. – Ягоды огромные и сладкие. – Он показал большую ягоду ребятам и положил в рот. – Вкуснота!!!

Андрей и Саша присели рядом.

– Нет ничего слаще и ароматнее нашей сибирской земляники! – нахваливал Егор, уплетая ягоду за ягодой. – Я ничего вкуснее не едал.

– Да ты, болван, кроме своей земляники, ничего в жизни не видел, а туда же, – сказал Андрей, облизывая перепачканные губы.

– Ну и что, зато я уверен, что наша земляника самая, самая, – улыбнулся Егор. – Вот возьмем к примеру... – Он замолчал, потому что увидел прямо перед собой маленькие босые ножки. Ножки потоптались на месте и собрались уходить. Егор, не поднимая головы, проговорил.

– Нет, нет, не уходите, прошу вас. – Ножки замерли.

– Я, кажется, начинаю понимать Пушкина, – мечтательно произнес Егор. – Не зря он говорил, что следует «ногу ножкой называть». Ах, как не зря! – Ножки заволновались. Егор поднял глаза и увидел очаровательную Полину.

Она смотрела на него сверху вниз, а в глазах сверкали озорные огоньки. Губы тронула едва заметная улыбка. И вот уже «ах» она бежит, парит, точно стрекоза над зеленым лугом. Голубая лента развеивается на ветру, а золотые кудряшки подпрыгивают на плечах. Егор не помнил, как он вскочил, зачем побежал следом за васильково – пшеничным созданием. Не слышал крика друзей, которые просили его одуматься. Он мчался в погоню за стрекозой, бабочкой, райской птичкой, одержимый азартом охоты: поймать, во что бы то ни стало!

Саша и Андрей бросились за ними следом. Но Егор и Полина так неожиданно куда-то пропали, что ребята приняли решение ждать возвращения беглецов.

– Ускакал, как горный козел, – бубнил Андрей, усаживаясь на траву.

– Ладно, Андрюха, не заводись, – миролюбиво проговорил Саша, зевая. – Я ужасно хочу спать. А ты?

– Я нет.

– Тогда я сплю, а ты охраняй мой сон. А потом поменяемся, идет?

– Валяй, засоня, – улыбнулся Андрей.

Саша удобно устроился на согретой солнцем траве и уснул. Ему снилась мама, которая стряпала блины. Милка, которая опять попала в какую-то историю, и требовалось Сашино вмешательство. Но у него было столько важных дел, что он никак не мог от них освободиться. Милке помогал Игорь, ставший вдруг совсем взрослым. Даже папа теперь брал его с собой на рыбалку вместо Саши. Это – вместо – больно задело Сашу. Он открыл глаза и резко поднялся.

– Ты что? – удивился Андрей. – Выспался уже? Или тебя укусил кто-то?

– Сон дурацкий приснился, – зло ответил Саша.

– О-о-о, – многозначительно протянул Андрей. – Наверное, Катюшу догнать не смог?

– Заткнись ты, – буркнул Саша и потер виски.

– Саныч, ты что? – испугался Андрей.

– Мне дом приснился. Как они там? Наверное, с ума сходят? Мы не знаем, сколько прошло времени. А мне приснилось, что там уже все стали совсем взрослыми. Значит, времени прошло очень, очень много. – Саша надолго замолчал.

Андрей наморщил лоб, глянул на часы и удивленно воскликнул:

– Санька, смотри, пошли часики-то, – он протянул Саше руку с часами. Стрелки показывали без четверти три. – Ура! Ты, почему не радуешься?

– Я не совсем уверен, что это реальное время, – задумчиво проговорил Саша. – Хотя и это уже кое – что. Засекай, сколько Егор наш прохлаждаться будет.

– Засек!

— 13 —

Ночью Светлана проснулась от непонятного волнения. Она тронула мужа за плечо, но Валерий никак не отреагировал. Светлана сунула ноги в тапочки, набросила халат, взяла с комода фотографию, которую сделали вечером, и пошла в кухню.

В доме было тихо, только настенные часы нарушали тишину своим «тик – так». Светлана включила свет и села к столу, чтобы еще раз посмотреть на лицо сына и девушки, находившихся напротив. Сейчас она успокоилась и могла внимательно рассматривать снимок, заостряя внимание на мелочах.

Полоса леса внизу фотографии была чересчур темной, неестественной. Река была, как блестящий лед, в котором отражалась краснота неба. А лица были очень-очень белыми. Светлане показалось, что они белеют прямо на глазах. И вот уже не лица, а два белых круга над лесом, над рекой.

– Ой, что это? Куда? Зачем? Саша! – закричала Светлана, тряся фотографию, будто это могло что-то изменить.

– Что случилось, Светка? – спросил испуганный Валерий, прибежавший на ее крик. Его пугало состояние жены. Он опасался за ее нервную систему. Ему совсем не хотелось, чтобы у Светланы началось буйное помешательство. Но он ничего не мог сделать с тем, что сейчас происходило. Оставалось только внимательно следить за Светланой, пытаясь предотвратить нежелательное помешательство. Поэтому Валерий остановил детей в дверях, а сам как можно мягче спросил:

– Что стряслось, Светка?

– Вот, – она протянула фотографию и заплакала. Милка бросилась утешать ее. А Валерий с Игорем молча смотрели на обесцвечивающийся на глазах снимок.

– Что это, пап? Почему? Как такое, вообще, возможно? – удивлялся Игорь.

– Не знаю. Не зна-ю! – несколько раз повторил Валерий, растягивая слова.

– Да, что там такое? – поинтересовалась Мила, подняв голову.

– Ни-че-го, пусто, – протягивая ей фотографию, сказал Игорь. Мила долго вертела в руках снимок. Потом понюхала его и вдруг резко рванулась из кухни.

– Куда ты? – попытался остановить ее Валерий. Но Мила только махнула рукой, указывая направление своего движения.

– Лаборатория! – стукнул себя по лбу Игорь и побежал вслед за сестрой.

– Верно, надо посмотреть, что происходит с другими снимками. Пойдешь с нами? – спросил Валерий.

– Нет, – тихо ответила Светлана каким-то бесцветным чужим голосом. – Я здесь посижу. Ноги что-то занемели. А ты иди.

Валерий крепко сжал руку жены, улыбнулся ей и пошел в лабораторию.

Когда Мила вбежала в лабораторию или Сашин чуланчик, как они называли между собой это место, то увидела, как тускнеют лица на других снимках. Лица исчезали, и с этим ничего нельзя было поделать. Ни-че-го.

– Пленка, – шепнул Игорь, тронув Милу за плечо. Она протянула руку, но тут же отдернула ее, точно обожглась.

– Ой, она горячая, – испуганно глянула она на Игоря. – Попробуй ты. – Игорь протянул руку, но пленка вдруг ярко вспыхнула и загорелась.

– Бросай ее скорее в воду, а то пожар наделаем, – закричал подоспевший Валерий.

Игорь потянулся за щипцами, чтобы не обжечь руки. Но огонь неожиданно погас. А на столе осталась кучка пепла. Все трое молча смотрели на пепел, на обесцветившиеся фотографии, не понимая, что происходит.

– А-а-а-а! – пронзительный крик Светланы вывел всех из оцепенения.

Валерий рванулся на крик жены. За ним побежала Мила. А Игорь чуть замешкался в дверях. Какой-то блеск привлек его внимание. Потом раздался какой-то непонятный звук, от которого Игорь попытался отмахнуться как от назойливой мухи. Но тут же увидел яркие огоньки пламени, охватившие фотографии. Игорь как замороженный стоял и смотрел на пламя, не пытаясь ничего сделать, понимая, что все его действия будут ненужными, бесполезными.

– Игорь, бросай их в воду, – крикнула вернувшаяся Мила. Игорь не пошевелился. Тогда Мила сама бросила снимки в ванночку с водой. Но огонь не погас, а только запылал еще сильнее. Пламя веселилось до тех пор, пока не осталось лишь горсточки пепла от снимков. А потом так же неожиданно исчезло, не причинив никому никакого вреда.

– Ну, что, юная пожарница, справилась с огнем? – хмыкнул Игорь.

– Нет, – заплакала Мила, уткнувшись ему в плечо. – Все снимки сгорели, Игорек, все.

– Я знаю, сестренка. Не плачь, – он несколько раз провел рукой по волосам сестры. – Все факты сгорели. Остались кучки пепла. Кучки пепла раз, два, три... В нашем доме работает полтергейст.

– Надо его выгнать. Надо с ним бороться с этим полтергейстом, – зашептала Мила. – Я помогу тебе. Я на твоей стороне.

– Да, да, только беда в том, что мы не знаем, кто именно наш противник, он непознан, не опознан, а потому наводит ужас, – задумчиво проговорил Игорь.

– Все, я решила, чем займусь после школы! – Мила отстранилась от брата и продолжила. – Я стану уфологом по борьбе с полтергейстом. Уж я-то разберусь во всем этом непознанном...

– Будем надеяться, – улыбнулся Игорь.

Светлана долго пила валерьянку, пытаясь успокоиться. Но никак не могла забыть вспыхнувший на столе огонь. Она смотрела на стол и видела языки пламени. На полу, куда она бросила снимок, огоньки пламени вспыхивали снова и снова. Спокойно ей было только тогда, когда она сидела с закрытыми глазами.

– Я схожу с ума, – застонала она. – Лерыч, я безумно боюсь. Я боюсь открывать глаза, чтобы не видеть этот огонь. Я боюсь двигаться по дому. Я боюсь за детей, за тебя, за себя. У меня внутри огромная ледяная сосулька страха. Мне холодно... А, может, я уже умираю? Вдруг, это пришла смерть?

– Ну, ты нафантазировала, – прижал ее к себе Валерий. – У тебя легкий нервный срыв, а ты вообразила ни весть что. Сейчас валерьянка подействует, все пройдет. Давай вместе твою сосульку топить будем. Найдем врачей, целителей...

– Ничего не знаю. Ничего сказать тебе не могу, – раскачиваясь из стороны в сторону, бубнила Светлана.

– Пойдем-ка лучше спать. Я тебя к себе прижму и согрею, – предложил Валерий.

– Пойдем, – равнодушно согласилась Светлана. Она поднялась, но тут же с пронзительным криком упала на стул.

– Что? – не на шутку перепугался Валерий.

– Ноги, – подняв на мужа полные ужаса глаза, прошептала Светлана. – У меня ноги отнялись.

– Ну, так уж и отнялись, – попытался пошутить Валерий. Он опустил на колени и начал растирать ступни, голени, колени жены. Она никак не реагировала.

– Я ничего не чувствую. Ничего.

Валерий понял, что со Светланой действительно творится что-то неладное.

– Сейчас что-нибудь придумаем, – опустив голову, проговорил он как можно нежнее. Хотя мыслей не было, а был панический страх. Валерий приказал себе не раскисать, а искать выход, который должен быть всегда.

– Отнеси меня в кровать, – попросила Светлана. – Может, я там и вправду отогреюсь. Сосульки ведь боятся тепла. И моя тоже растает.

Валерий легко поднял жену на руки и отнес в спальню. Он заботливо накрыл ее одеялом и, поцеловав в лоб, лег рядом.

– Если что, толкай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.